

КРОКОДИЛЬ

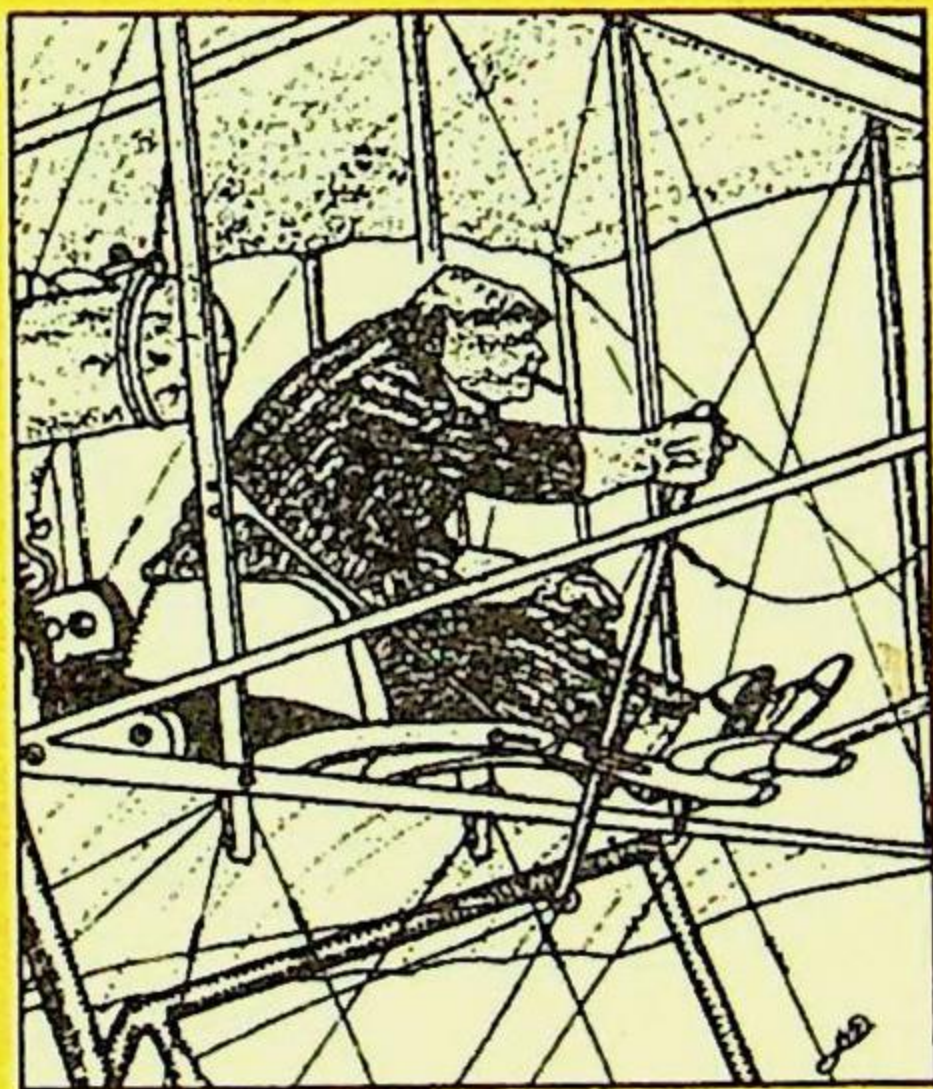
1 ГОДЪ ЮВАНК.

1911

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

№ 4

отъ ЕНГЛАРДНЫХЪ ПИРАМИДОКЪ - КЪ ЕГИПЕТСКИМЪ

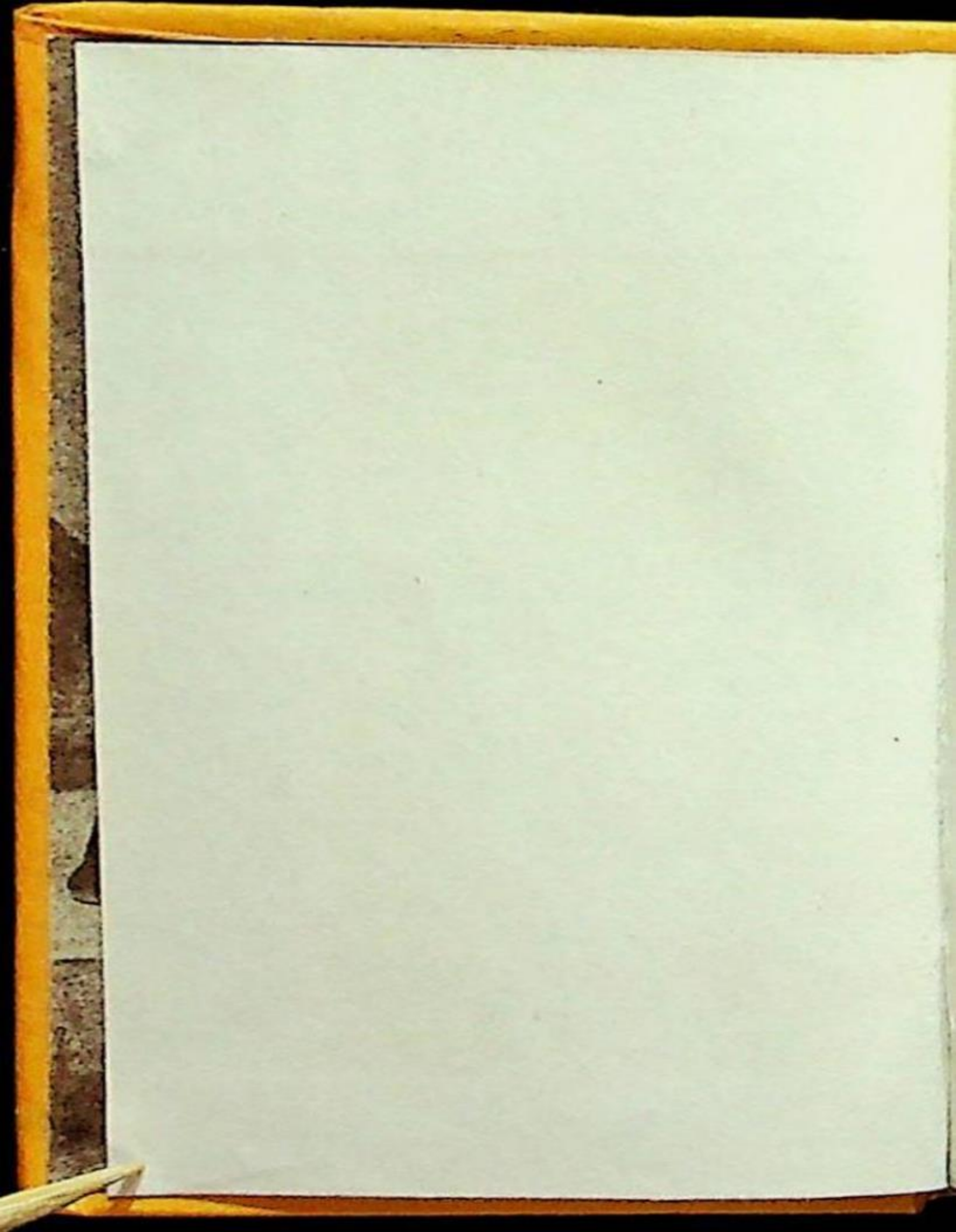

С Уточкой.

ВЛЮБИ НЕ ВЕЛОСИДЕДЪ, НЕ АВТОМОБИЛЪ, ПАМЯТИ НЕ ВЕЩЬ, БЫВАЮТЪ НЕ СТЫЖДЕТЬ
ОТЪВЕРЖИ ВОССЪЛАННЪЕ ПЕЧАЛИ, ВНЕСТИТЬ ВЪ ТРУБУ
НА ДВѢ ИЛИ ТРИ РАЗАТЬ.

VII >
55629

КНИГА ПРОДОЛЖАЕТ
СЕРИЮ МИНИАТЮРНЫХ ИЗДАНИЙ
ОДЕССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
им. М. ГОРЬКОГО,
РАСКРЫВАЮЩИХ УНИКАЛЬНЫЕ
ФОНДЫ ОДНОЙ ИЗ СТАРЕЙШИХ
КНИЖНЫХ СОКРОВИЩНИЦ
УКРАИНЫ

ОДЕССКИЙ
ЖУРНАЛ
“КРОКОДИЛ”
И ЕГО
АВТОРЫ

*Избранные страницы
(1911—1912)*

ОДЕССА
ОКФА
1998

579247

ББК 84(4УКР=РУС)6

О 41

Составитель Т.В.ЩУРОВА

Ответственный редактор

О.Ф.БОТУШАНСКАЯ

КНИГА ИЗДАНА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
АО "ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА"

Оформление и макет художника
В.Т.МИНЕНКО

- © ОКФА, 1998.
- © ОГНБ им. М. Горького, 1998
- © Т. В. Щурова — составитель, 1998
- © Е. М. Голубовский — предисловие, 1998
- © Л. З. Лушик — статья, фото, 1998
- © В. Т. Миненко — оформление, 1998

4702010206

О

98

ISBN 966-571-083-4

КРОКОДИЛЬ

СМЕХ, ПОМОГАЮЩИЙ ВЫЖИТЬ

Мне не раз приходилось слушать, как к Михаилу Михайловичу Жванецкому подсакивали юные, длинноногие журналистки, с пылу-жару презентаций наваливались на него с наивными вопросиками:

“А что дала Вам Одесса как писателю?”, “А что такое одесский юмор?..”

Отгонять такие эфемерные создания грешно, отвечать всерьез на их вопросы еще грешнее, может, для этого случая

и придумал Жванецкий
универсальную формулу,
которая вводила этих репортерниц
в столбняк задумчивости:

“...нет специального одесского юмора, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания”

И общий хохот...

Но про то, что одесский юмор существует, знали и Влас Дорошевич, и Петр Пильский, и Илья Ильф, и Михаил Жванецкий. И очень многие их подражатели, кто в разной степени удачно или, что чаще, неудачно, пытались его эксплуатировать. Юмор, рожденный в городе, где говорили на смеси десятка языков — от еврейского до

украинского, от немецкого до
новогреческого, — предполагая,
что объясняются по-русски.
Волею судеб здесь, на берегу
Черного моря, на месте
крошечной турецкой крепости
Хаджибей, а много раньше
на месте древнегреческих
колоний, возник плавильный
котел, где, борясь за жизнь,
совместно строили, бедовали,
ликовали, праздновали
пришельцы из огромного мира,
не потерявшие своего
своеобразия, но приобретшие
новые краски, позаимствованные
у соседей по выживанию.

Петр Пильский писал:
“Шопенгауэр был пессимистом
и женоненавистником, но только
потому, что он никогда не был

в Одессе. И — ах! Зачем никто ему не шепнул, что на свете есть такой великолепный, лечебный, целебный пункт, и почему среди разных климатических станций нигде не упоминается про Одессу? Разве боли духа не требуют климатических станций? Приезжайте! Впрочем, как хотите! Что до меня, отныне я знаю наверное, что никогда не кончу с собой. Я просто возьму билет прямого сообщения “Петроград—Одесса” и буду долго-долго, весело и красиво жить”.

Может, теперь у какой-либо из длинноногих журналисток возникнет вопрос к Жванецкому, не является ли он пессимистом и женоненавистником...

Вот тут он им и ответит, что ему дала Одесса как писателю... Эту тему так приятно развивать, но она предполагает и другой круг ассоциаций. Говорят, юмор недолговечен. А разве жизнь долговечна? Можно ли представить себе двухсотлетнего Пушкина? Долговечность жизни может быть соразмерна долговечности смеха. Но нет, все не так просто. Марка Твена или О'Генри читаешь — и смешно. Может, тоже потому, что они попали в плавильный котел, но под названием Америка. И там учились выживать. Шол-м-Алейхема читать смешно. Сквозь слезы смеемся. Не хохочем, улыбаемся. И здесь смех — сопротивление, единственная

возможность выжить в жизни, где все обрекает тебя на невыживание. Так что не всегда старый юмор, как и старое вино, скисает в старых мехах. И вот еще одна попытка доказать это: Одесская государственная публичная библиотека, ее директор О.Ф. Ботушанская, заведующая отделом искусств Т.В. Щурова, краевед С.З. Лущик вернули из небытия одесский журнал начала века, чье название, не говоря уже о текстах и карикатурах, практически забыто. Нам предстоит встреча с одесским "Крокодилом". И теперь уже читателям решать, одесский это юмор или саратовский, чего в этом юморе больше — веселья или грусти, на каком языке говорили в Одессе сотню лет назад.

— Мосье Жванецкий, как со Старопортофранковской пройти на Дерибасовскую? Вы еще не знаете? Вас еще нет на свете? Позвольте, но в Одессе все знают, как выйти на Дерибасовскую, многие, даже уехав из наших мест, стараются в душе с нее не уйти. Чтобы не стать пессимистами и женоненавистниками... Шучу, конечно. Но не шутил же Бабель, когда писал, что пора ему возвращаться в Одессу, присмотрел он себе дом на Ближних Мельницах... Однако Дорошевич, Бабель, Жванецкий — это классика. Практически все имена — литераторов, художников, опубликованные когда-то в одесском журнале "Крокодил", ныне нам

не знакомы. Значит, не магия фамилий будет двигать нами, когда мы вчитаемся, всмотримся в эту книгу. И постараемся понять, что такое одесский юмор — зубоскальство или смех, помогающий выжить. А может быть, спотыкаясь о незнакомые имена, мы вновь вспомним все того же Исаака Бабеля, сумевшего так попрощаться с ушедшим: “О, смерть, о, корыстолюбец, о, жадный вор, отчего ты не пожалел нас, хотя бы однажды?” Как бы ответом — возвращением к жизни — имен, шуток, юмора, смеха — и стала эта книжка, рожденная, чтобы отнять у прошлого то, что принадлежит настоящему.

Евгений Голубовский

КРОКОДИЛЬ

ЗЕРКАЛО
ОДЕССЫ

Одесский жаргон

Сносчик доставил одной одесситке с базара корзину с покупками.

— Так что, барыня, с вас следует пятнадцать копеек.

— Что такое? Да ведь это безбожно! Пятнадцать копеек за один понос!

Т.

К директору Одесского ломбарда г. Кирхнеру в 3 часа ночи звонок по телефону.

— Что такое? В чем дело?

— Г. директор, позвольте узнать, который теперь час?

Директор взбешен:

— Так для этого вы осмеливаетесь звонить ко мне в 3 ч. ночи?..

— Извините, но что же мне было делать? Мои часы у вас в ломбарде... Прошу вас, посмотрите на мои часы и скажите?!.

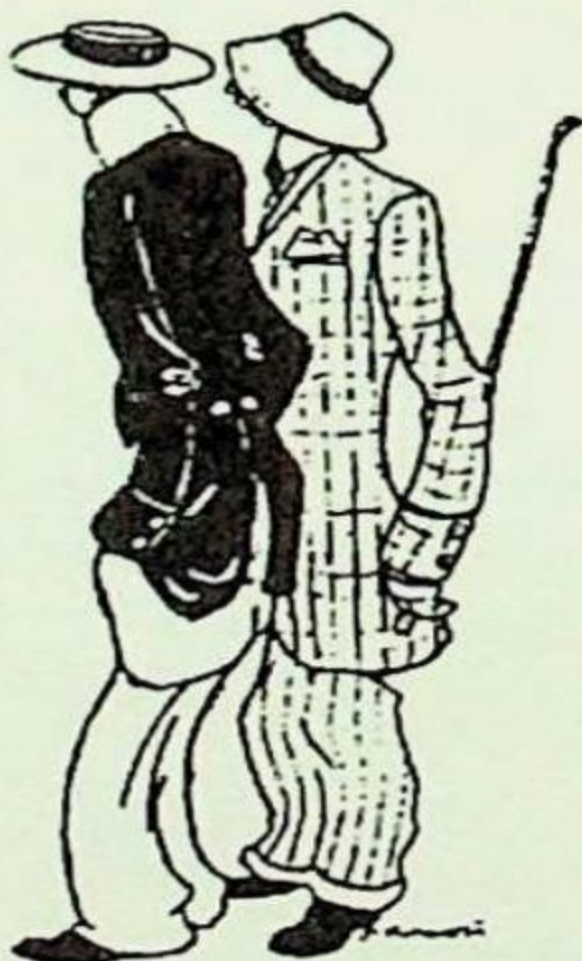
На одной из одесских улиц есть вывеска:

ТАБАКЪ, ИГРУШКИ
И
ПИСЧЕБУМАЖКИ.

А еще жалуются, что русский язык не обогащается новыми словами...

Философ

Рис. А. Митницкого

— Пьер, скажите мне, что такое, собственно, жизнь?

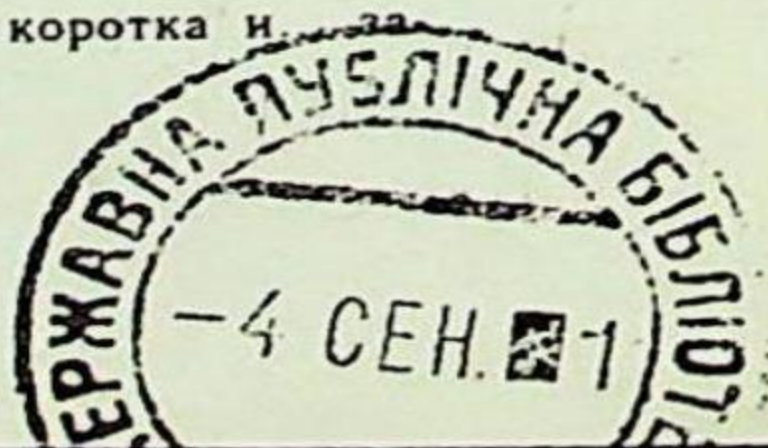
— Э... э... жизнь? Это детская рубашонка.

— ??!

— Очень просто: коротка и пачкана.

28674

17

Одесситка

Ах, какая чудесная страна эта Флоренция... Представьте себе, милая, там мне в полчаса вылепили бюст руки.

Экспромт

— Яша, а ну-ка, скажи что-нибудь остроумное экспромтом...

— Одолжи мне пять рублей...

А.Ф.

Два рубля

От Фанкони выходят два одессита. Швейцар подает им пальто. Один из одесситов достает два рубля и дает их на чай швейцару. Другой на улице уже с изумлением спрашивает "щедрого":

— Ты с ума сошел?! Кто же дает на чай два рубля!

— Эге! Зато посмотри, какое пальто он мне подал!

За блинами

— Вы что больше любите: рояль или скрипку?

— Я, собственно, скрипку!

— Нежнее, не правда ли?

— Нет, я не потому! А просто — скрипку легче за окно выбросить.

И.М.

Между подругами

— Представь себе, Ирочка призналась мужу во всех своих неверностях...

— Что ты?! Какое мужество!..

— Скажи лучше: какая память!..

Градация

Об одном известном артисте Д. говорят:

— Первый акт он играет сам.

— Второй акт он играет с коньяком.

— А третий акт играет уже один коньяк без него.

В мастерской художника

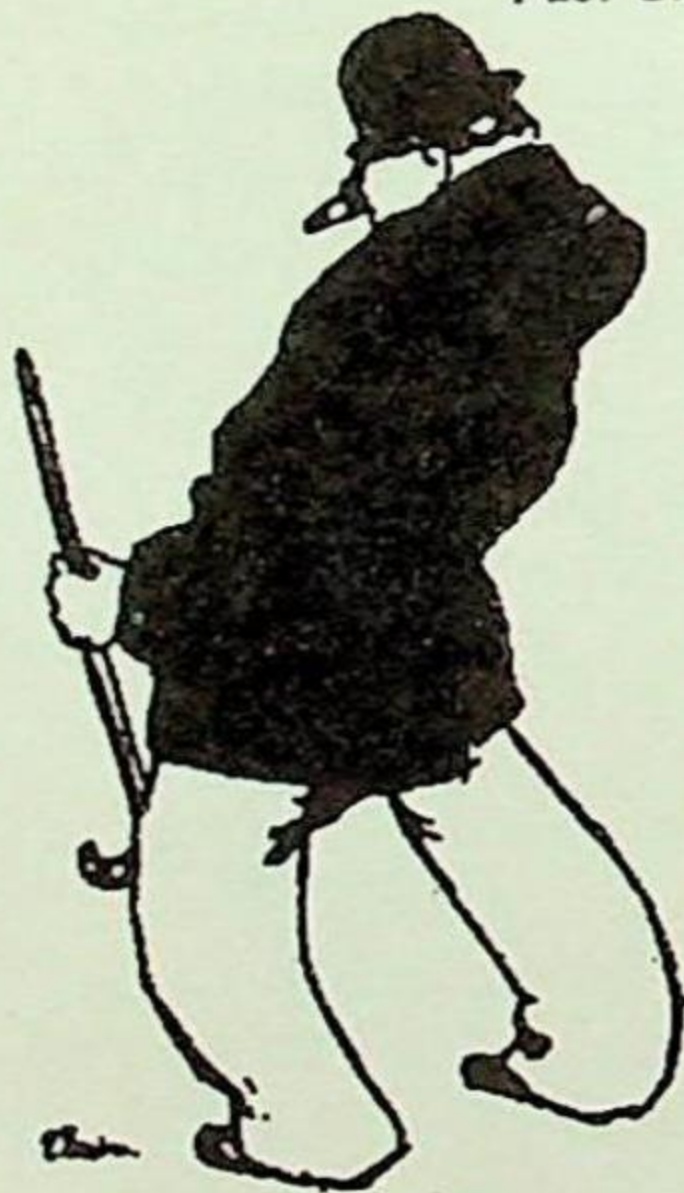
— Скажите, maestro, отчего вы закрыли маской лицо вашей “Обнаженной”?

— Видите ли, моя жена уже мне позировала, а я не хотел бы, чтобы ее узнали...

— Но в таком случае, Вам следовало также зарисовать эту родинку на ее левом бедре!..

Сила привычки

Рис. С.Фазини

— Привычка — вторая натура: я даже к своей собственной жене привык.

Точный ответ

На экзамене истории профессор спрашивает студента:

— Как древние славяне смотрели на женщин?

— С удовольствием! — отвечает тот.

Как молодеют женщины

Женщине 60 лет, мужчине 20.

— Женщина старше мужчины втрое.

Через двадцать лет...

Женщине 80, мужчине 40 лет.

— Женщина старше мужчины всего вдвое.

Fatalite!

Евг. Ч.

Натуралист

Рис. В. Никулина

— Петр Иванович, куда это вы запропастились? Я вас ищу по всем комнатам.

— А я, знаете ли, здесь... Водопад Иматру с натуры хочу зарисовать, да все не выходит!..

Выгодное занятие

— Ну, как поживаешь? Что делаешь?

— Бросил журналистику, стал торговать платьем.

— Много продал?

— Пока только свое.

— Послушай, Катя, мне не нравится, что ты знакома с кадетом.

— Но, мама, не могу же я сразу начать с генерала.

— Ты вечно на службу опаздываешь!

— Что ж, что опаздываю, зато раньше со службы ухожу...

— Ах, Поль, разве я виновата, что Александр Михайлович строит мне куры?

— Да... Конечно... боюсь я только, как бы от этих кур цыплят не развелось...

Кто как описывает свой идеал

ОКОЛОТОЧНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ. Рост — средний. Глаза — голубые. Нос и рот — совсем умеренные. Подбородок — круглый (NB. с ямочкою). Лицо — очень чистое. Особые приметы — не имеются.

ВОЕННЫЙ. Она завоевывает все сердца, покоряет всех мужчин и своей красотой везде одерживает

победы. Огонь ее глаз сильнее огня из 1000 ружей; она стреляет ими, но, к сожалению, сердце ее — крепость, которую никаким штурмом взять нельзя!

РЕДАКТОР. Она весела и пикантна, как воскресный фельетон. Разговор ее — все больше про городскую и театральную хронику. Внешний отдел, вообще, восхитительный: заголовки прелестные, передовые статьи развиты прекрасно. Направление — довольно постоянное и определенное.

Т-ро

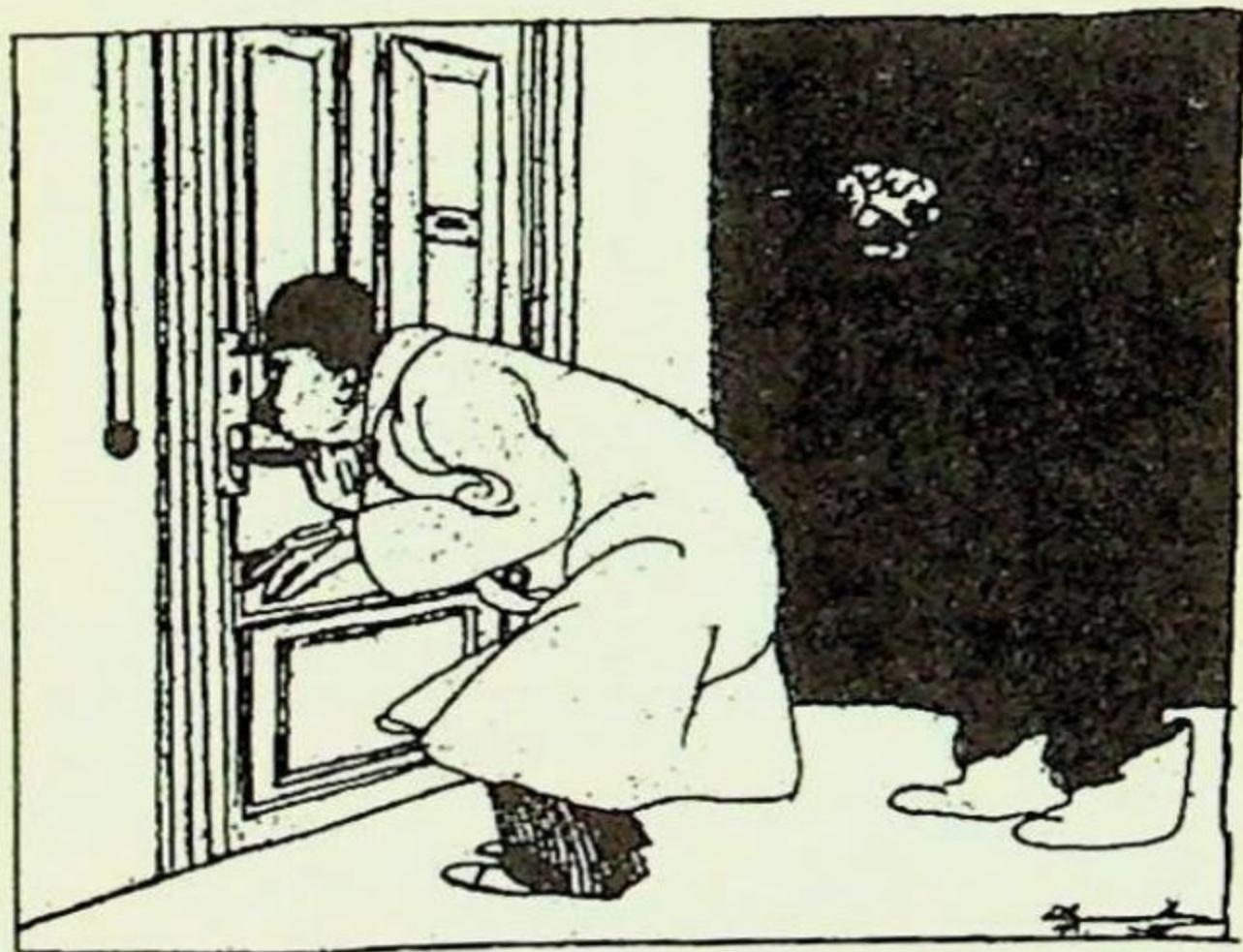

— Как вы женились: по любви или из-за денег?

— Из-за того и другого: из-за любви к деньгам...

Педант

Рис. Б. Антоновского

— Иван Петрович! Что вы тут делаете?!

— Заглядываю-с, к вашей жене-с!

— Что-о-о?

— А ведь вы сами не раз просили —
“загляните, мол, к жене, она, мол, скучает”!

Определенное заявление

Жена одного свиноголовца по смерти своего мужа прибила к дверям своей лавки такой плакат:

По случаю смерти мужа буду продолжать свиновство совместно съ зятемъ.

А.Б.В.

Между молодыми хирургами

— Ура! Я спасен: я нашел одного пациента.

— Ну?.. Слушай: давай разрежем его пополам...

Рис. Л. Митницкого

— Что вы свистите? Что случилось?
Вас ограбить хотели? Били?

— Нет, ничего, господин городской,
я только хотел узнать, где я живу...

Тоже сионизм

Директор банка: "Будет великолепно, когда у нас, наконец, появится новое государство в Палестине; т.е., что касается меня лично, то я хотел бы быть тогда еврейским посланником в Берлине".

А.Г.

Кто в Одессе видит самых красивых дам и девиц?

— Чиновница, выдающая на почте письма до востребования.

Аргус

Две ученицы театральной школы. Одна хочет замуж, другая не имеет таланта.

А.Г.

Урок музыки

— Иван Васильевич! Этого в нотах нет!

— Ничего, мы от себя прибавим.

— Ах, ах... Вы заставили меня забытья... Вы забыли, что я честная женщина.

— И вы, сударыня, забыли это...

Потусторонний

Гувернантка объясняет своему питомцу разницу между “конкретно” и “абстрактно”

— Конкретно — это то, что можно видеть, абстрактно — это то, чего видеть нельзя. Понял, Петя?..

— Да.

— Ну, так назови какой-нибудь пример.

— Мои штаны — конкретны, а ваши — абстрактны.

Хладнокровие

— Иван Петрович, вы сели на мою шляпу.

— А разве вы собираетесь уходить?

Красноречиво

Англичанин: “Я понимаю по-французски лишь одно слово: “Апоиг”.

Француженка: “В таком случае мы быстро пойдем друг друга — я по-английски знаю лишь слово “Yes”.

— Я тебе советую прибраться к рукам графа.

— Фи — старая тряпка.

— Глупости! Ведь из старых тряпок делаются новые бумажки...

— Отчего ты теперь все любишься чужими дамами, а прежде любовался только мною?

— Потому, дружочек, что прежде ты была... чужая...

Маскарадное остроумие

Рис. А. Цалюка

- Купи мне какую-нибудь драгоценность для руки и для шеи...
- Хорошо! Я куплю тебе мыло...

Наивный слуга

— Барин дома?

— Дома-с.

— Может быть, он занят? Может быть, я пришел не вовремя?

— Никак нет-с. За вами только и была остановка-с. Барин увидели вас из окошка и сказали: “Только его еще недоставало”.

Маленькая ошибка

К одному еврею подходит его товарищ:

— Фишелевич, вы слыхали этого новость?

— Что такое?

— Абрамович выиграл 200.000!

— Пхэ! Я как будто что-то слыхал, но вы сделали ув этом три ошибки.

Во-первых, не Абрамович, а Хаймович; во-вторых, не 200.000, а 1.200; и ув-третьих, не выиграл, а проиграл.

На свадьбе

На диване в свадебном зале в уютном уголке сидят три подруги. Каждая интересуется узнать, что подарила другая новобрачным.

— Хана, что ты подарила?

— Я подарила чайный сарвиз на 12 парсон!

— А ти что подарила?

— Я? Я подарила фразовый сарвиз для обеда на 24 парсоны!

— А ти, Блюма, что подарила?

— О, я подарила чайного ситочка на 48 парсоны.

Наблюдатель

На даче

Рис. С. Фазини

Барышня: Ах, как меня искусали комары.

Кавалер (обидчиво): Комарам можно, а мне нельзя...

Эсся

Застенчивому приказчику нужно вызвать телефон 606.

— Барышня, а, барышня! Дайте мне две разы 303.

Пчела

Одессит “на” суде

В мировом суде на Молдаванке разбирается дело по обвинению какого-то обывателя в нанесении оскорбления действием г-же Н.

Мировой судья спрашивает:

— Скажите, потерпевшая, что ж обвиняемый вам сделал?

— Он мне сделал гадость, которая начинается на букву Н.

Судья на минуту задумывается.

— Не понимаю, что же это может быть за гадость?

— Да он подошел ко мне и прямо в лицо *на...*

— Довольно, довольно... — перебивает судья.

Публика в смущении, а “потерпевшая”, не смущаясь, заявляет:

— Г. судья, чо вы стесняетесь? Я хотела сказать, что он мне *...наплюнул* в лицо...

А. Ад.

“Одесский” язык

Встречаются два чистокровных одессита.

— А, здравствуйте вам, Борис Исидорович!

— Что значит “Борис” Исидорович? Ведь вы хорошо знаете, что имя “Борис” теперь считается христианским и за это меня могут при-

влечь к ответственности... Ну, что слышно?

— Иду к Блувштейну, который больной...

— Который Блувштейн? Тот, что набил меня у Фанкони?

— Нет, нет, что живет на визави у меня, в том большом доме, который наш Ицкензон продает...

— Ну-ну?

— А я вчера видел вас идти с Китроссером. Как его дела?

— Ничего себе, а вы слышали?

— А что?

— Как что!?

— Ну!

— Абрам Наумович выходит замуж!

— Ну, на кого?

— На дочери Фельдмана...

— И что же, а деньги?

— Говорят, что есть 5000 и пианино...

— И пианино?

— Абрам Наумович, что не взял дочку Лейбовича...

— Ну, что вы? Положим, между этими невестами две большие разницы.

— Извините, мне нужно идти. Вот и электричка идет.

— Там, посмотрите, нет местов...

— Ничего... Ну, до свидания вам.

— И вам, спасибо!

— Будете у Фанкони?

— Вот еще вопрос, а что же?

С. К.

Ранец гимназиста (Подражание Саше Черному)

Словесность и грамматика,
Словарчик, математика,
Два бутерброда с сыром,
“Нат Пинкертон с Вампиром”,
Портреты Кавальери,
Крючок от старой двери,
Обрызганные ручки,
И монпасье три штучки,
Похабные картинки,
Карандаши, резинки,
На дне ж лежит Барков...
И инвентарь готов.

Бор. Прег...

Избирательное право

Рис. Мад.

- Сын: — Я хочу быть кардиналом.
Отец: — Почему?
Сын: — Они могут выбирать себе папу!

Вопросы и ответы

— Какой город очень любим интендантами?

— *Хабаровск.*

— Какая станция симпатична для многих супругов?

— Станция *Раздельная.*

С.

В поезде

На верхней полке лежит еврей и говорит своему товарищу, который только что проснулся.

— Ефим, ты слышал, какой ночью был шум?

— А что такое случилось?

— Отсюда, где я сплю, упала моя шуба!

— Так от шубы будет такой шум?

— Нет, я тоже был в шубе!

Пьют уже третьи сутки...

Рис. Б. Антоновского

— Эх, Миша, Миша, дорогой ты друг мой, вот сидим мы с тобой, пьем, а завтра я уже может тебя и не увижу...

— А я уже и теперь тебя, Коля, не вижу...

В кафе

В кафе заходят два господина и занимают столик. Лакей, подойдя, спрашивает:

— Что прикажете?

— Нам два стакана кофе. Мне по-французски. А вам? — обращается один к другому.

— Мне по-одесски!

— Я никогда не слышал такого названия, что это за кофе?

— По-одесски — это значит: я буду пить, а вы заплатите.

КРОКОДИЛЬ

**ОДЕССКИЕ
РАЗГОВОРЧИКИ**

Одесские разговорчики

— В первый раз я слышу, чтобы еврей был придворного звания.

— А что такое?

— О! Он и не знает!.. Разве вы не знаете Лейб-Рабиновича!..

— Э... декадентские штучки.

— А я вот вам скажу... Бывшая жена Сережи...

— Какого Сережи...

— Ну вот! У нас один Сережа.

— Уточкин?..

— Конечно.

— Ну, ну?

— Так бывшая жена Уточкина теперь замужем за г.Анатра...

— Так что же?.. Так ей хорошо.

— А то... что по-итальянски Апітга значит “утка”!.. Игра природы...

— Откуда вы знаете итальянский?..

— О! Я же два года был барышник у городского театра... Я даже и по-еврейски знаю.

— Ну, так я вам тоже расскажу. Вы знаете, как девичья фамилия мадам Кобылинской?

— Откуда мне знать? Я раввин?

— Так ее фамилия была Фердман! А теперь она мадам Кобылинская... Ну, что вы скажете про такую игру природы?..

— Постойте! Так г.г .Жеребко, Клячкин и Кобыливкер — это не из их семейства?..

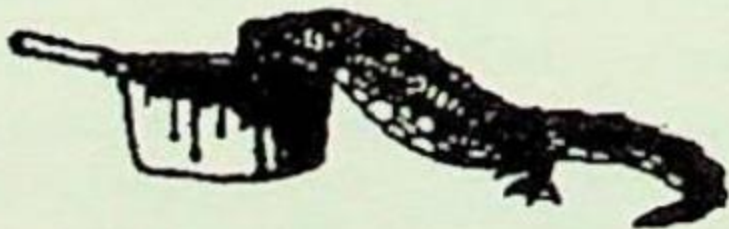
— Нет!.. Это из другого... рода...

— Ну, до этого мне нет дела! Я спешу! Постояли, поговорили и довольно. Как это говорят: “На всякого мудреца довольно простыни”.

— Ша! Куда вы спешите? Разве вы не знаете, что в России “тише едешь — дальше блудишь”. Наконец, вы должны меня выслушать. Как это мой сын — студент говорит: “Gladiator et altera pars”.

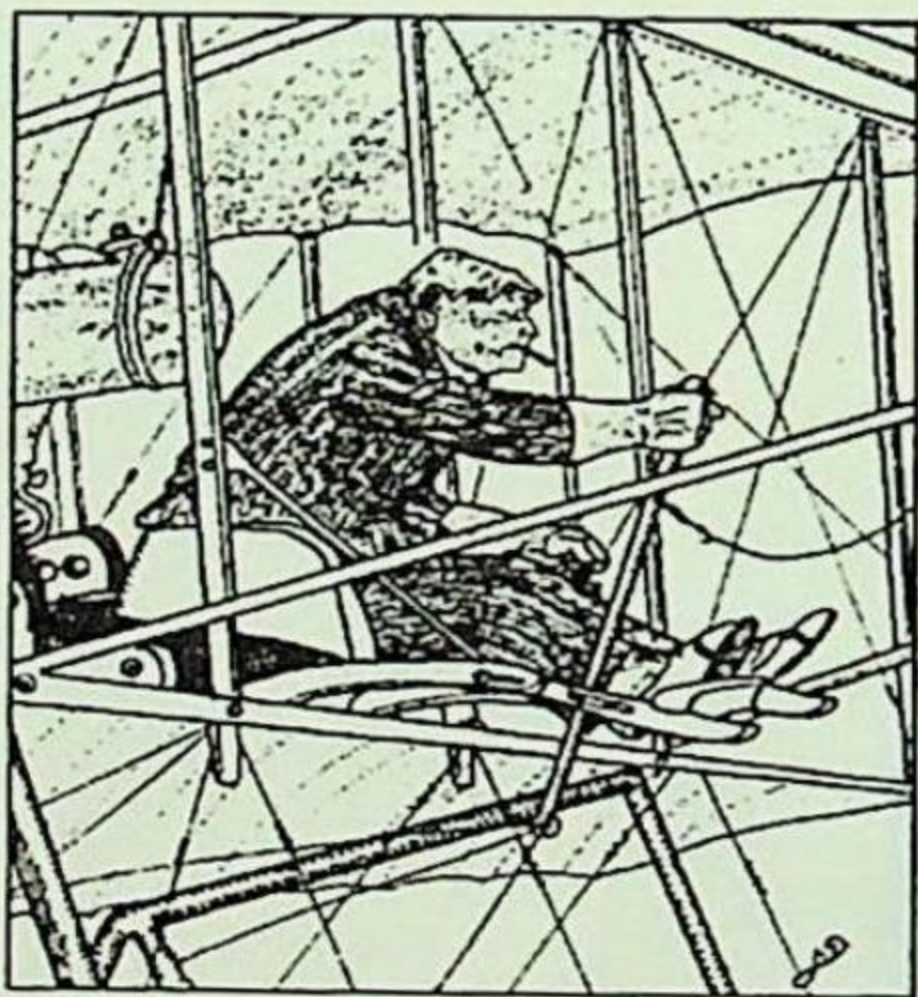
— Ай, оставьте, я по-французски не понимаю. Вон бежит моя электрическая конка. — Конка! Конка! Стой! (Садится в вагон). Конка, поезжай!

Ян

От биллиардных пирамидок — к Египетским

Рис. Мад.

С. Уточкин

Ездил на велосипеде, на автомобиле,
на яхте, бегал на коньках, открыл велоси-
педный магазин, вылетел в трубу...

С тех пор летает.

С. И. Уточкин

Когда я родился, я закричал:

— Х-о...дду-у!..

И с тех пор я всегда и вездѣ кричал: "Ходу!"

Сперва я был героем Одессы.

Теперь я герой мира.

Сперва я работал только ногами!
Потом — головой!

Настали трудные времена, и я работаю, и головой, и ногами, и руками...

Я — Авиатор.

Было время, когда я летал только от Фанкони к Робина. Теперь я летаю даже над Хеопсовой пирамидой!

Красив я, как Аполлон, — только немножечко наоборот. Но, очевидно, сила не в красоте, ибо я герой дам...

Я езжу на: велосипеде, автомобиле, воздушном шаре, аэроплане, пароходе, железной дороге, дрожках и даже хожу...

Отец мой был г. Аэроклуб. Мамаша — велосипедная шина. А братья мои: одного зовут Пропеллер Исаевич, а другого Бензин Исаевич, а третьего Блерио Исаевич...

Убивался я 42 раза... Разбивался же 2 миллиона раз. Я выломал себе 84 ноги, 129 рук, а прочих частей тела — и не счесть...

Видеть меня можно: в воздухе с восьми часов утра до четырех часов дня. Остальное время — у Робина...

Одно время я хотел сам изобрести аэроплан... Очевидно, ноги у меня талантливее головы, и какой-то Фарман перебил у меня идею.

В общем, я самый популярный человек в Одессе, - конечно, из лиц артистического мира.

Первый — Макс Линдер.

Второй — Марьяшес.

Третий — Я...

Я летал над морем, над собором, над пирамидами. Четыре раза я разбивался насмерть. Остальные разы — "пустяки". Питаюсь только воздухом и бензином... Разбил все аппараты. Но главное — мой головной мотор еще хорошо работает, и я выдумаю что-нибудь еще...

В общем, я счастливейший из одесситов...

— Живу с воздуха!.. И не нуждаюсь в больницах.

Ксеркс.

Тяжелый хлеб

На окраинах столицы на днях появилось привидение, пугавшее людей. Сегодня "привидение" было задержано и оно оказалось сыном дьякона Камешким, сотрудником "Пет. Листка", инсценировавшим привидение в целях писания сенсационных заметок.

I

Репортер по происшестввиям скучал. Сегодня опять заведующий хроникой зачеркнул ему целое письмо самоубийцы, которое репортер в поте лица сочинял у себя дома целую ночь.

А потом репортера призвал редактор и сердито сказал ему:

— Вы грамотный?

— Литератор! — гордо сказал репортер.

— Литератор?.. Для этого вовсе не нужно быть грамотным... А ну-ка,

прочтите, что это вы тут написали?

Репортер прочел...

— “На пустынной улице было пусто... Подкинутый младенец лежал и думал о своей жестокой матери”.

Редактор перебил:

— Позвольте, а вы откуда знаете, о чем этот младенец думал?..

— Это... поэтическая вольность!..

— робко сказал репортер и стал читать дальше.

— “Разбойники тихо подкрались к младенцу и всадили ему нож в ягодицу под 19-е ребро... “Умри, несчастный”, - сказал атаман...”

— Это что значит? Откуда вы это взяли? Это, наконец, нам надоедает... Одно из двух: или давайте что-нибудь интересное и действительно имевшее место, или вовсе не давайте, мы вас печатать не будем. Идите...

Репортер ушел и думал:

— Конечно! За три копейки строчка я им еще убивать буду...

Подумал и, как магнием, осветилось все его существование.

— Хорошо же! Я вам дам действительность. Я сам буду совершать убийства, кражи, поджоги и сам буду о них писать! Что, взяли?

II

Хроника, которую стал давать репортер, была замечательно интересной!

— Яков Семенович! — кричал репортер, вбегая в редакцию... — Сегодня узнал поразительную вещь: человек о двух головах!

— Вы с ума сошли!

— Приходите на Невский, № 4711, там в окне появляется человек, у которого две головы.

— Две? И, может быть, такие, как ваша? — сердились в редакции, но факт действительно подтверждался.

Это сам репортер изображал из окна двухголового человека, и сам же писал об этом.

Газета была довольна.

— И откуда он все знает! Гениальный сотрудник...

То вдруг над городом проносился огромный огненный аэростат...

И репортер ярко описывал это чудесное явление...

— Атмосферическая вивисекция атмосферно-микрoхимической реакции.

Но когда на окраине города появилось ужасное привидение, — газета ликовала.

— Молодец, Кемецкий, здорово розницу поднял!

А репортер хвастался:

— Я еще мертвецов завтра с кладбища подниму.

— Как это?

— А очень просто! Мы с Гусаком мертвецами оденемся и дебош на кладбище устроим... А завтра в нашей газете все это будет...

— Здорово! Выдать ему два с половиной аванса...

III

И вдруг...

Все это разрушилось! Полиция накрыла привидение, и под его маской оказался репортер.

Привидение посадили под арест! И интересные заметки прекратились в газете...

Так гибнут у нас литературные таланты!..

Незнакомец

Бунт души

Рис. С.Фазини

— Если портнихи будут так драть за фасоны, так, ей-богу, и мы взбунтуемся

Слово о браках

Вот перед вами бочка.

Снизу она наполнена мусором, колючками, тряпками, булавками, а сверху вся эта пакость прикрыта слоем меда.

Нам, глупым мужикам, предлагают:

— Не желаете ли бочку меда? Если желаете — женитесь...

Только всего.

Мы женимся и жадно начинаем улизывать мед.

Это — медовый месяц супружества.

Сладость неописуемая.

Но к концу месяца мед съеден без остатка.

И мы видим, что наложено снизу: Тряпки, колючки, шпильки.

Они дерут горло, впиваются в жизнь, насквозь пронизывают сердце.

Шпильки растут, растут и превращаются — в рога!

Мы украшаем свой череп рогами, мы привыкаем к ним.

Те мужья, жены которых не изменяют, чувствуют себя не лучше.

От них требуют полноты чувства...

И от этой полноты мужья бегут, словно от чумы, бегут, чтобы отдохнуть от избытка семейного счастья.

Сказано мудрецом:

— Брак — могила любви.

Ибо невеста, роза без шипов, превращается в жену, которая — шип без розы!

Горе, если жена окажется примерной хозяйкой.

Тогда могила любви превращается в кухню любви.

Ибо в самой лучшей жене сидит плохая кухарка.

Взгляните вокруг:

Всюду несчастные и очень мало счастливых.

И большинство несчастных — жертвы семейного счастья.

Кончаю призывом:

“Остерегайтесь семейного счастья и берегитесь невест!”

Александр Тamarin.

Математичка

Рис. С. Фазини

Она: — Я великолепно помню числа...
Он: — А сколько раз вы увлекались?
Она: — Не... не помню!..

Фоксик

Моей жене всегда хотелось иметь собачку.

— Такого беленького фоксика, и чтобы на мордочке у него были черные пятнышки!

Денег на подобную роскошь, как назло, не оказывалось, потому что... ну потому что их не было у нас вообще...

Я от своего отца унаследовал отвращение ко всякому труду и лишь иногда затруднял себя тем, что, затрудняясь в деньгах, затруднял других просьбами об одолжении...

Проистекавшие отсюда всякие "затруднительные" положения с судебными приставами и мировыми судьями мало-помалу заняли в моей жизни совершенно определенное

место и утеряли для меня прелесть новизны и оригинальности...

Так жизнь поедает поэзию, как ржа — железо.

А жена пристаёт:

— Купи да купи фоксика, чтобы был беленький, а на мордочке черные пятнышки.

— Дура, да ведь такая собака стоит не менее...

— А по мне хоть не более!. Чтоб был песик, а на мордочке...

Однажды у меня надорвалось терпение и лопнуло.

Я убежал из дому, пропадал весь день, а к вечеру пришел, имея на устах лукавую улыбку, а в сердце торжествующую ясность...

Я уснул спокойно и уверенно, а жена проворочалась до утра, как она мне потом рассказала.

—Все не могла заснуть, все старалась догадаться, почему ты такой... подлый?

Проснулся я первый, проснулся от звонка в передней.

Слышу: прислуга пробежала, отперла дверь.

Я поспешил туда же.

В передней я пробыл несколько минут и вернулся, держа на руках славного беленького фоксика с черными пятнышками на мордочке.

Жена так целый день и не выходила из спальни.

Фоксику было оказано столько внимания, что если бы у него было чем махать от радости, он бы не переставая делал это, но на месте хвоста у него, как у всякого порядочного фокстерьера, торчал смеш-

ной огрызок, и ему оставалось только радостно повизгивать.

Впрочем, он сделал еще кое-что, но мы это объяснили тем, что он плохо осведомлен о расположении наших комнат.

А в передней немолчно звонили. Я не позволял никому ходить открывать. Делал это сам, и едва отходил от двери, как снова надо было бежать на звонок

.....

Вечером.

— Ну, Петечка, скажи, сколько он стоит?

— Такой фоксик? Рублей 20.

— Ну?

— Поцелуй меня и на, прочти вот это объявление, которое я вчера сдал во все газеты:

“Утерян молодой фокстерьер. Клички не имеет. Нашедшего просят доставить по адресу: Конная, 24, кв. 89, И. Смиряеву. Награда 2 рубля”.

А в передней звонили.

— Это все фоксики.

Давидка Г.

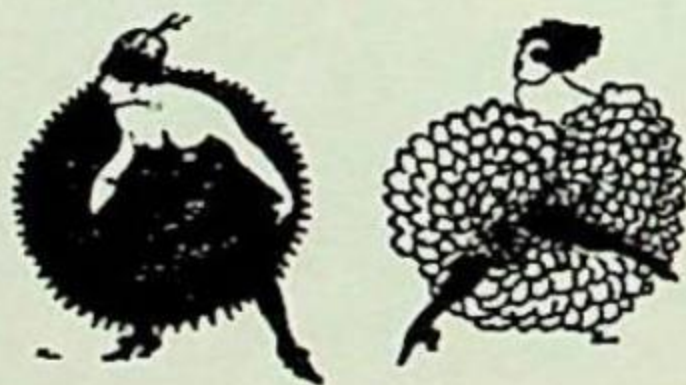
Рис. В. Никулина

Искания

За час до рассвета
После представления "Гамлета",
Антрепренер Кулыгин
И режиссер Веригин,
Недовольные сборами,
Сидели в ресторации
С актерами:
Глинским, игравшим Горацио
И Гамлетом-Завываловым.
Режиссер,
Отдавши дань жалобам
На плохой сбор,
Сказал: "Твореньями Шекспира
Не удивить нынче мира:
Нынче публика требует новых
течений
И настроений.
Ее не проймешь Офелиями,
Дамами с камелиями,

Да Гамлетами.
Для начала
Я поставлю водевиль с куплетами,
Чтобы публика подпевала.
В драме современной
Это новое течение
Зовется единением
Публики со сценой!"
Антрепренер,
Поразмыслив и потупив взор,
Нашел, что мысль режиссера
счастлива
И потребовал пива.

Эксс.

Рис. С. Фазини

Пушкин

Я уже давно ждал повода, чтобы открыто высказать свое сомнение в талантливости Пушкина, а, главное, в принадлежности его к сонму славных русских литераторов.

И, вот, такой повод, как 75-летие со дня его смерти, мне кажется как раз подходящим для этого поводом.

Итак, я повторяю, что хваленое величие Пушкина, по крайней мере для меня, стоит под довольно большим вопросительным знаком, и я завтра же буду рад видеть в нашей редакции для личных объяснений того читателя, который прочтет мою статью и не согласится с ее аргументацией.

Аргументация же эта, как всегда, когда речь идет об очевидных или

почти очевидных вещах, весьма несложна.

Говорят, что Пушкин — великий писатель. Хорошо. Но отчего же ни при жизни Пушкина, ни после его смерти не выпустили ни одного тома воспоминаний ни Тенеромо, ни П.Сергеенко?

Говорят, что Пушкин — великий русский писатель. Отчего же его не ругают в “Новом времени”? Отчего никто не может вспомнить ни одного порядочного скандала, связанного с его именем?

Правда, мои противники с торжеством возражают, что Пушкин был убит на дуэли. Да, я не отрицаю этого, но разве же об этой дуэли писали “Биржевые ведомости”?..

А главное, разве же на дуэли... дерутся?!

Кто же из славных русских писателей, “дуэлирую” по два раза в неделю — дерется?! Да еще бывает убит?!

Видите, как ценны возражения моих противников...

И еще возражают эти странные люди:

— Пушкин писал прекрасные стихи!

Ну, конечно, я допускаю это, но разве о них написал хоть один фельетон Петр Пильский?

Нет уж, господа! Оставьте свои возражения!

Правда, в последнее время имя Пушкина начинает звучать для нашего уха, так сказать, литературно, но ведь не надо забывать, что в этом только на одну четверть виноват великий писатель Пушкин, а на це-

лых три четверти не кто иной, как великий художник Репин.

Не напиши Репин его портрета и не устрой вокруг него скандала — кто вспомнил бы об этом поэте сороковых годов!..

И, будучи вполне уверен, что неотразимая убедительность приведенных аргументов совершенно не нуждается в новых, я закончу свою статью радостным утверждением, что не будь Репина — не было бы, быть может, и 75-летия Пушкина...

— Да здравствует Репин!

Зозуля.

КРОКОДИЛЬ

**ЧТО ЛЮДЯМ
НЕ НАДОЕДАЕТ**

Что людям не надоедает

Людям не надоедает и вряд ли
когда-нибудь надоест:

... беря займы, искренне уверять:
— Ей-богу, до среды...

... рассказывая длинную историю,
заставлять ее непременно начаться:

— В один прекрасный день...

... гуляя с хорошенькой барышней,
горячо решать женский вопрос...

Будучи же хорошенькой барыш-
ней, патетически восклицать:

— Никогда не выйду замуж!

А будучи слушательницей женс-

ких курсов, раз 500 в час ронять
глубокомысленно:

— Ах, нет настроения...

Имея приличную ренту, любить
ближних.

Не имея башмаков, развивать тео-
рии прогресса.

А не имея ума — читать публич-
ные лекции...

Ничего не смысла в картине, бор-
мотать с достоинством:

— Мм... да... экспрессия, воздух...

Не давать подачки нищему и за-
являть гордо:

— Не даю прин-ци-пи-аль-но!

Не иметь сердца и пламенно обли-
чать бессердечие.

Возмущаться проституцией по Амфитеатрову, но знакомиться с ней на деле...

Начать говорить о себе в январе, а кончить как раз к концу года.

Быть молодым сатириком и честно переписывать Сашу Черного...

Писать в "Синем Журнале" и острить над Брешко-Брешковским.

Периодически или же хронически страдать идиотизмом и жаждой спасения человечества, рассказывать анекдоты и говорить пошлости; вообще, говорить, писать и ухмыляться, ржать, гримасничать, потеть; любить, потреблять продукты, высказывать мнения; ходить в кинематограф, жиреть и...

Пройдет — улыбнется.
Заденешь — ответит,
Змеится лукавством
насмешливый рот,
А глазки пылают,
а личико светит,
А груди колышет
проказник — Эрот.

Одета по моде.
Но летом... ах, летом
Не мода, а солнце диктует закон.
Читатель, признайся:
ты был ли поэтом?
Читатель, откройся:
ты был ли влюблен?

Ты видел ли женщину
в дымчатом газе?
Ты видел ли рук
змеевидный узор?

Ты видел ли шейку,
                                что рвется в экстазе
Из пленного лифа
                                на знойный простор?

Ты видел ли кубок
                                невыпитой страсти?
Вбирал ли из кубка
                                ты иглы — струи?

Ты видел ли тело,
                                рожденное в власти,
Рожденное властью
                                для власти любви?

Ты видел ли плечи
                                с печатью загара
И их целовал ли
                                всем трепетом губ?

Дрожал ли ты дрожью
                                страстей и угара
И падал ли возле
                                в истоме, как сруб?

Не видел? Не падал?
Но, может быть, бесу
Внимая, ты хочешь
увидеть и пасть?..
Читатель, не надо...
не ездь в Одессу,
Где Грех, и Кошмар,
и Безумье, и Страсть!

Дядя Яша.

Рис. Л. Н.

Рис. С. Фазини

В маскараде

(*Dufort. Masques carnavalesques*).

Шум и смех... Кругом толпятся
Сонмы фей, русалок, пугал...
Пыл влюбленного паяца
Коломбину втиснул в угол...

Я брожу... Душа согрета
Светом люстры, ярким танцем...
Вижу: бойкая Пьеретта
Пляшет "Ойру" с францисканцем!

Из-под маски, точно плоски,
Глазки светят... Волны кружев
Вьются вихрем, стройность ножки
Откровенно обнаружив...

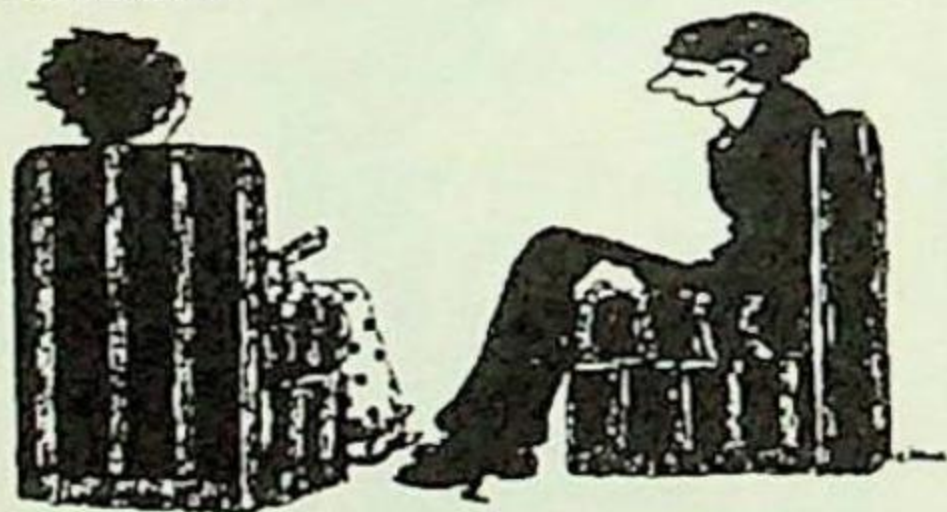
И с восторгом небывалым
Я слежу за буйным пылом:
— "Нет! Не кровь потоком вялым
— Ртуть бежит по этим жилам".

Но в ответ приятель — скептик:
— “Здесьних дев опасны чары:
Ты напомнил мне рецептик
Очень верный, очень старый”...

“Милый друг! Ясна тревога:
Дай отпор своим желаньям,
В этих жилах ртути много —
По врачебным предписаньям”...

Picador

Рис. С. Фазини

Жена: — Неблагодарный! Я отдала тебе все свое сердце, всю свою душу!

Муж: — Наконец-то я понял, почему ты такое бездушное существо.

Как люди скучают

Люди скучают так.

Заложив руки глубоко в карманы, удобно усаживаются на стуле, протягивают вперед прижатые вместе ноги и, высоко загнув носки, делают такой вид, словно видят их впервые.

Берут перо, бумагу, чернила, не спеша усаживаются за стол и пишут:

— Ньюфаундленд. Ньюфаундленд.
Ньюфаундленд. Маня, Фаня, Таня...
Да здравствует Великобритания...
Геккель... Меккель... 00000000.

А под этим раз пятьдесят расписываются с необыкновенно размашистыми росчерками и замысловатейшими завитушками.

Ложатся на кровать, заложив под голову руки, долго исследуют цве-

точки на обоях и, догадавшись, что над цветочками этими старался, по всей вероятности, взрослый человек, искренно думают по его адресу: “Идиот”.

Становятся где-нибудь на видном месте, например, посреди комнаты, гордо отбрасывают назад голову, широко раскрывают объятия — точно так, как это изображено на книге Бальмонта “Будем как солнце”, и, слегка выпучив живот, подогнув колени и закрыв глаза — оглушительно зевают...

Потом крестят рот, протирают пальцем глаза и, набрав в легкие много воздуха, выпускают его не сразу, а надув щеки и ударяя по ним ладонями.

— Пвффу... Пвффу... Пвффу...

А то скучают еще и так.

Одеваются с "художественным беспорядком", идут к морю и, вперив взор в какую-нибудь точку на горизонте, говорят меланхолически:

— Жизнь - глубока и таинственна, как море. Жизнь — это Сфинкс.

Встречают приятеля и говорят ему с широчайшей улыбкой:

— А! Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Как делишки?

Встречают подругу, вяло обнимают ее, вяло целуют и говорят:

— Катя, я вас люблю безумно, я без вас...

А на вялую просьбу Кати оставить ее в покое, отвечают тоном ниже:

— Не верите? Что ж, не надо. Доказать это нельзя.

А то еще сидят в кафе, медленно глотают мороженое и, увидев на палке польскую газету, делают удивленные глаза и уверенно говорят:

— Э! Польская литература, знаете, какая-то... такая. Без содержания.

Ходят важно по улице, ритмически постукивают палкой и на мольбы нищего о подачке отвечают резонно:

— Такой здоровый — работать надо.

Зато люди деятельные скучают иначе...

Ходят по улицам и читают вывески, плакаты, афиши, записки на воротах о том, что сдаются квартиры, и все это язвительно критикуют.

Если же не критикуют, то поют:

— Тра-ля-ля... тру-ту-ту... ди-ди-ди...

Причем из языка, губ, зубов и слюны заводят во рту полный оркестр.

Кроме того, для деятельных людей существуют еще: оконные стекла, по которым можно часами барабанить пальцами, перочинные ножички, очень пригодные для вырезывания или выцарапывания на подоконниках, столах, скамьях и стенах своих инициалов, а в случае надобности и полного звания с числом и годом в виде приложения; затем — брелоки, которые можно теревить сколько угодно, пуговичные петлички, в которые очень удобно протыкать поочередно пальцы обеих рук и, наконец, телефон, в который, правда, пальцы протыкать излишне, но которым при умении тоже можно воспользоваться.

Для тех же деятельных людей существуют также и объявления, которые можно читать нараспев; есть: библиотечные книги с широкими полями, на которых можно откровенно подиспутировать с автором; есть еженедельно свежие юмористические журналы, с которыми обращаться можно и совсем запросто — можно полежать с ними на кушетке, закрыв ими лицо и подремать, или же, свернув в трубочку, потрубить марш из "Аиды", а между тем бить мух, имеющих неосторожность отдыхать поблизости на стене.

Зозуля

Математическое

Этих глаз синева,
                                эти ласки — слова
Взяли сердце мое без стеснения...
Но среди дев ты — феникс,
                                ты — загадка, ты — икс,
И не мог я решить уравнения...
Сочетал наугад
                                на различный я лад
Милой крошки
                                волшебные данные;
Я решал, я мечтал, —
                                и нас брак сочетал,
И надели мы узы венчанные!
Но, загадка моя,
                                женских чар не тая,
Ты путями пустилась нечестными,
И рога я ношу, но никак не решу
Уравненья с двумя неизвестными.

Pikador

“Счастье”

Никита сидел на скамье возле кухонного стола и, тихо посапывая, смотрел на Дашу. Даша кокетливо вертелась по кухне, стыдливо ловила взгляды Никиты, потуплялась, и ей казалось, что щеки у нее покрываются румянцем. Никита вздохнул, проследил глазами высокую грудь Даши и сказал:

— А я вам, Дарья Васильевна, подарочек принес.

— Будто, — взвизгнула Даша, — это вы только так говорите...

— Нет уж, оставьте, Дарья Васильевна, — важно сказал Никита, — потому в данную минуту я, по причине моих чувствий, очень даже не намерен шутить.

Он внушительно помолчал, по-

косился на дверь и, не спеша, достал из кармана желтую бумажную трубочку, какую продают шарманщики, выкрикивая гнусавым голосом:

— П-пакупайте, господа, счастье.

— Извольте получить, — сказал он, осторожно кладя трубочку на стол.

Даша захихикала и, стараясь сконфузиться, прошептала:

— Очень я вам благодарна за деликатность вашу.

— А вы прочитайте, — сказал Никита, — что там написано про вас, и которая планета гастрономическая с вами суждена.

— Мне как гадали, — стыдливо сказала Даша, — так вышла планета Близнецы.

— А мне вышла планета Уран, —

солидно загудел Никита, — и говорено в ей было, что одна особа девического полу со мной чувствует душевную связь.

Он немного молчит и не смотрит на Дашу.

— Чего же вы, Дарья Васильевна, не читаете? — спрашивает Никита. Даша, не подымая глаз, берет трубочку и разворачивает ее. На стол падает картинка и зеленая бумажка, Даша смотрит на картинку, вскрикивает и прячет ее за кофточку. Никита довольно улыбается и говорит:

— Что там, Дарья Васильевна, нарисовано?

— Ах, нельзя знать, — взвизгивает Даша, и у ней начинает краснеть лоб — сначала нижняя половина, а затем верхняя.

— А я так думаю, что можно, — говорит Никита, — только вы не хотите показать. — Никита хитро ей подмигивает и медленно читает:

— Планета Козерог. Одна прелестнейшая особа составит в ближайшей скорости ваше счастье... — Тут Никита останавливается и многозначительно глядит на Дашу. Даша чувствует его взгляд, прячет лицо в передник и лепечет:

— И вовсе этого там нет, и вы все выдумываете...

Никита ничего не отвечает и продолжает читать:

— Час вашего рождения предвещает вам победу над вашими врагами...

— Над Дунькой, — думает Даша, — она мне враг.

— ...Вы скоро будете неожидан-

но обрадованы, — читает Никита, — и наконец получите интересы, которые с нетерпением ожидаете.

Он кладет бумажку на стол и смотрит на Дашу.

Когда Никита уходит, она схватывает бумажку, долго и напряженно глядит на нее и вдруг начинает всхлипывать — сначала тихо, потом все громче и громче.

Дверь из комнаты раскрывается и вбегает восемнадцатилетняя барышня Лиза. Она смотрит на всхлипывающую Дашу, на бумажку и говорит:

— Вот глупая, стоит из-за пустячных предсказаний плакать.

Даша молча вытирает слезы и идет в комнаты убирать. Когда она выходит, Лиза схватывает бумажку и жадно читает ее. Прочитав бума-

жку два раза, она вздыхает и задумчиво шепчет:

— Да, это так, это верно...

Потом она думает, прячет бумажку на груди и медленно выходит из кухни.

Карлов

Семейная драма

Войдя в свой кабинет, почтенный Илья Павлович Оглушин проделал следующее: на цыпочках приблизился к горничной Глаше, сметавшей пыль с письменного стола, одной рукой нежно обнял за талию, другой взял за подбородок и умильно произнес:

— А, ты здесь, курица моя! Вот ты какая, а? У-у, поросенок мой легкокрылый!

Проговорив это, Илья Павлович отыскал глазами на лице легкокрылого поросенка подходящее местечко, расположенное как раз под вздернутым носиком, и впился в него губами. Затем он перевел свои губы на другое местечко, именуемое в общежитии щечкой, и на нем также запечатлел несколько сочных поцелуев.

Увлеченный этой кропотливой работой, Оглушин не заметил, как открылась дверь и на пороге показалась Богом данная ему супруга.

Госпожа Оглушина, видимо, крайне заинтересовалась развернувшейся перед ней идиллией и, разинув рот от любопытства, молча наблюдала.

—М...ма!—облизнулся Илья Павлович. — Не щечка у тебя, Глаше-

нюнчик, а прямо паюсная икра. Блин! Объединение просто!.. Ну-с, теперь займемся твоей шейкой и расц... ра...а... а вы что это, Глаша, плохо... того... пыль стерли? А? Я этой дерзости не потерплю-с! Ни-когда!

Последнюю фразу Оглушин произнес в тот самый момент, когда скорее почувствовал, чем заметил присутствие постороннего лица — жены.

Глаша, очевидно, страшно сконфуженная тем, что плохо стерла пыль, взвизгнула, закрыла зацелованное лицо руками и выбежала вон.

Оглушин обернулся к жене, которая все еще неподвижно стояла у дверей и в упор смотрела на него.

— Ах, это ты, милая! А я тут Глашу... пробирал... н-да...

Несколько минут длилось таинственное молчание. Оглушин потрогал воротничок, взял со стола лампу и поставил ее зачем-то под стол, затем взял с дивана подушку и положил ее на этажерку. Жена молчала.

— Погода нынче ничего себе, — заметил Илья Павлович, — хотя, конечно... а впрочем, как знать... Дождя нет.

Так как жена все еще молчала, Оглушин нерешительно крякнул, сунул в чернильницу свечу и снова заговорил:

— Вчера вкусный обед был.

— Негодяй! — вдруг произнесла г-жа Оглушина.

— Н-да... такая неприятность: снег идет!

— Негодяй! — повторила г-жа

Оглушина с глубоким убеждением в голосе. — Ты мерзавец, недостойный семейного очага. Удивляюсь, что я тебе еще не плюнула в физиономию и не дала оплеухи!

Илья Павлович также удивлялся этому в глубине души, но решил не выказывать своего недоумения, и ответил:

— Нет, нет, не надо, милая! А то эти плевки, оплеухи... не люблю я их как-то. Ей-Богу... Да и за что?

— За что? И ты еще смеешь спрашивать? И ты еще притворяешься? Я тебе по целым дням верна! Я тебе предана! А ты меня обманываешь с какой-то наглой горничной! О-о! Это неслыханная низость! Человек, нарушающий клятву супружеской верности, способен на все... Весь мир будет знать о твоем поступке! Я

тебя во всех газетах пропечатаю. Тебя народ камнями забросает! О, палач, надругавшийся над святыней семейного очага! О, чтоб ты лопнул!

Разгневанная женщина напонила бутылку шампанского, из которой только что вынули пробку: из горлышка вырывались шипящие и бурлящие звуки.

Через несколько минут Илья Павлович, красный, как целый десяток раков, с быстротой пушечного снаряда вылетел из дверей и, споткнувшись, со всех лестниц сделал на спине планирующий спуск (*vol plané*).

Поднявшись, он подобрал шапку и калоши, и понуро вышел на улицу.

— Так мне и надо! — казнил себя Оглушин. — Она права: надо быть негодяем, чтобы так поступать!

И глубокое чувство стыда и раскаяния охватило грешника...
Целый день совесть мучила Илью Павловича.

— Бедная Варя! — вздыхал он.
— Она так свято чтит святость святого домашнего очага, а я надругался над ним. Она, чистая голубка, и не подозревала, что в мире существуют такие вероломные супруги... Я должен вымолить у нее прощения! Сегодня же!..

Поздно вечером Оглушин приближался к своему дому, обновленный раскаянием, готовый на коленях просить у жены отпущения грехов.

— Звонить не буду, — решил он, — пройду незаметно черным ходом. Не надо ей попадаться на глаза, пока первый гнев не остыл. Пусть успокоится.

Как вор, пробрался Оглушин в кухню, а оттуда неслышно прошмыгнул в свой кабинет. Из соседней комнаты — будуара жены — слышались голоса.

— У Вари гости! — подумал Оглушин.

— Конечно, эту подлую горничную я уже прогнала... — говорил женский голос.

— Жаловалась на меня, — с тоской шепнул Оглушин. — Однако, кто же там? А, Иван Петрович! Ну, он за меня заступится... Так и есть. Вот спасибо!

— Ну, стоит ли на такие пустяки обращать внимание? — слышался из-за стены мужской голос. — Эка беда, что поцеловал горничную! Зато он весьма удобный муж. Не правда ли, пупсик?

— Пу... пупсик? — изумился
Оглушин. — Гм... Странно!

— Нет, нет, милый! Не защищай
его. Я возмущена до глубины души!
Такое вероломство!

— Ну, довольно же, пупсик. Черт
с ним, с этим олухом!.. Ну, дай лучше
еще раз твою мордашечку. Ведь
почти целую неделю я не целовал
тебя, кошечка моя!

— Милый! Дорогой!.. Осторожно,
ты меня задушишь... сумасшедший!

И до глубины души возмущенная
женщина как будто успокоилась.

Петербург

Доль.

Рис. Б. Антоновского

Она шепнула: "В вас
мила мне грусть поэта"...
Он расстегнул тайком
три пуговики жилета, —

Утихла боль. И взором
просветленным
Глядя на деву, вымолвил поэт:
"Вы поняли меня, и вами
окрыленный,
Иначе я теперь гляжу
на Божий свет!"
А дева, чувствуя в душе любви
тревогу,
Пожала под столом поэту ногу...

Вам посвятил, доверчивые девы,
Я эту повесть о поэте и блинах:
Вам кружат голову
любви напевы,

Польза жары

Рис. И. Венненберга ("S")

— Как мило! Погода нам благоприятствует, и если даже муж и застанет меня у Пьера в таком виде, я скажу, что... жара виновата...

Дачное

Я сей сезон вношу в удачные:
я сплю за трех и ем за двух;
одна беда: девицы дачные
тиранят вечно взор и слух,
и я, ища к скандалам поводы,
ворчу, предчувствуя мигрень...
Куда ни глянь, — они, как оводы,
гудят-стрекочат целый день!..
Поют, катаются на яликах;
читать Боккачио стыдясь,
ведут беседы о скандаликах,
смакуя жадно сплетен грязь.
Живут раскрытыми секретами;
скандал, содеянный вчера,
за миг ходячими газетами
по всем разносится с утра.
— Ма Шеге, прекрасными
дорожками
пустилась наша молодежь:

Дубков у Ларской под окошками
ночует... Видеть невтерпеж!
— О, Бог... А мать ее тревожится!
— Жене стал Ларский изменять!
Газета в юбке снова божится,
соседка охает опять.

Эмиль Кроткий.

Рассеянность

Полна томленья и желанья
И жажды чар, любовных пут,
Она явилась "на свиданье"
И двух соперниц видит тут.
Герой, рассеянный и странный,
Всем трем назначил час один ...
Угас восторг. Часы нирваны
Теперь надолго сменит сплин...
Терзает их сердца сомненье,
И зависть тайная растет:
Кому отдаст он предпочтенье,
К кому он раньше подойдет!?

Н. Т-уз

Мода виновата

Рис. С. Фазини

— Ну, как устоять при теперешних модах от соблазна иметь свой автомобиль? Тогда хоть не придется пешком ходить.

Ошиблась

Рис. Н.Л.

— Вы, Александр Павлович, говорят,
большой сердцеед!

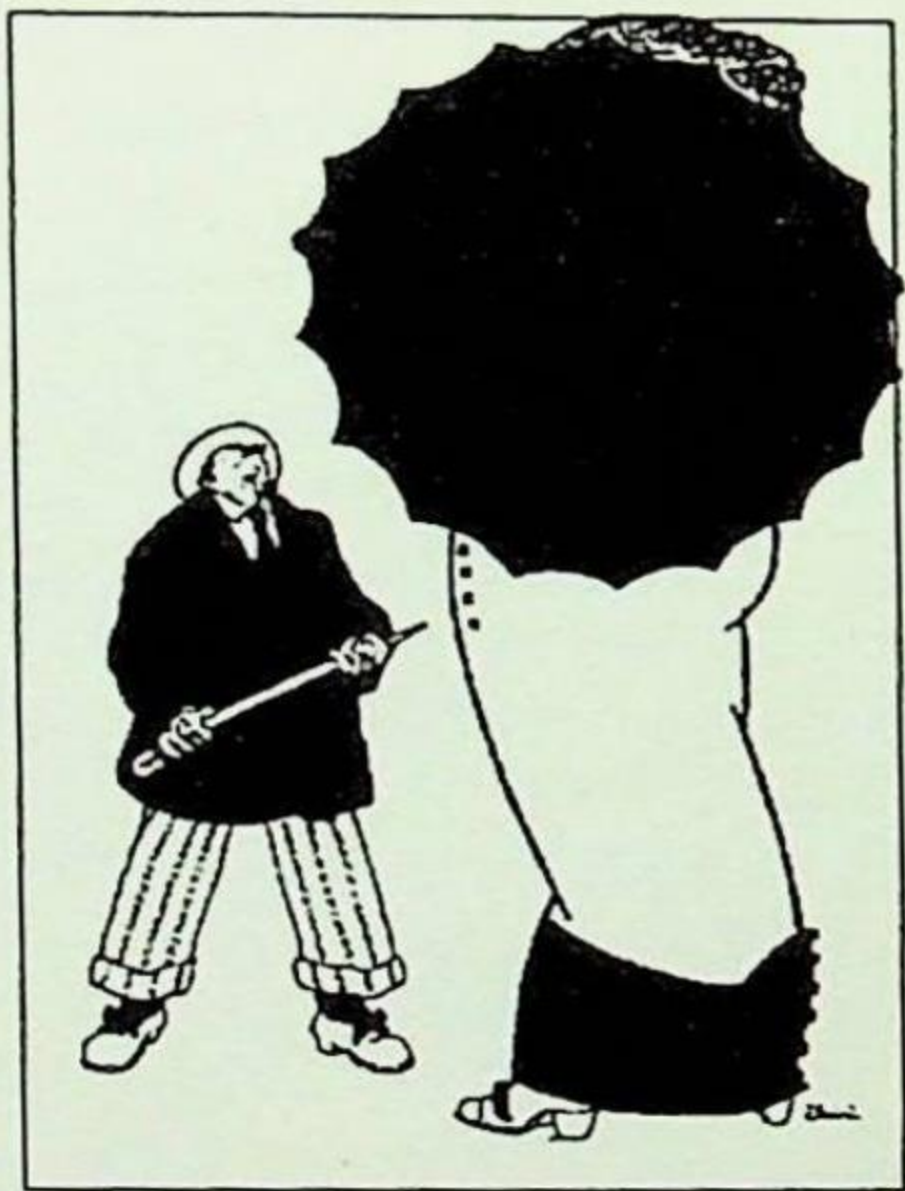
— Что вы, ведь я — вегетарианец

Посвящается милой одесситке

Как ты бойка, как остроумна,
Когда молчишь...
Как рассудительна, разумна,
Когда ты спишь...
Как ты сияешь вся от счастья,
Как вид твой свеж...
Ты дышишь вся огнем и страстью,
Когда ты ешь!..
Что за краса в небесном взгляде,
В твоих глазах,
Как дивно хороша ты... сзади
Или впотьмах!..
Готов тебе я побожиться,
Что я не лгу:
Желал бы я в тебя влюбиться,
Да не могу.

П.Ф.Р-кий

Рис. С. Фазини

— А еще говорят, что женщины —
слабые создания

Обыватель

Обыватель потянул носом воздух — пахнувший пеленками и жареным луком, — посмотрел на сопливых детишек, на жену, ее желтые щеки; посмотрел на жирную тещу, и со вздохом подумал:

— Вот она... моя жизнь... эх, если б вернулись двадцать годочков, знал бы я тогда — как жить, на какой жене жениться...

И... о, чудо! — Обыватель стал молодым, стройным и шел навстечу такой же молодой и стройной девушке — теперешней своей жене.

— Здравствуйте, Жан, — говорила девушка, блестя зубами и показывая ямочки на румяных щечках, — о чем вы задумались?

— О чем я задумался? — повтор-

ил он с лукавой усмешкой. — Знаем мы эти штуки, сударыня! Ни о чем...

И добавил:

— А про эти ямочки на щеках, сударыня, еще поэт Гейне сказал, что это плевательницы для богов любви... хе...хе...

— Что вы говорите, Жан? — ужаснулась девушка, — отчего вы меня обижаете? — и заплакала. — Ведь я люблю вас!

Обыватель почувствовал жалость, но тотчас же вспомнил, как невыгодно поддаваться в жизни этому чувству:

— Что ж, что любите? — сказал он равнодушно. — Теперь любите, а потом пожелтеете, износитесь, станете похожи на расползшийся тюфяк...

— Нет, Жан, никогда я не буду похожа на эту гадость!..

— Разве? Никогда? Неужели? — обрадовался обыватель. — Тогда хорошо.

Обыватель был чрезвычайно рад, но верить людям на слово — знал он — слишком рискованно, и решил обеспечить себя еще письменным обязательством...

— Ну, хорошо, — повторил он, — я согласен, но если... если будет подписан контракт... гарантия...

— Какой контракт?

— А вот какой: "Обязуюсь, мол, не иметь желтых щек, морщин... и сопливых ребятишек, не напоминать собою раздавленный огурец, не загаживать квартиру пеленками и прочей дрянью..."

— Хорошо! — воскликнула счаст-

ливая невеста, — напишем, все напишем!..

А после свадьбы пошло все, как водится...

Жена с каждым годом все больше и больше нарушала контракт, в квартире был содом, и пеленки, и чад, и теща...

Но обыватель терпеливо сносил все и ждал истечения срока, чтобы взыскать неустойку...

И срок наступил.

Обыватель со злорадной усмешкой подошел к шкафу и торжественно достал контракт, чтобы уличить жену...

Но, к ужасу обывателя, контракт так пожелтел и истлел, что лицо жены в сравнении с ним казалось свежим... А главное — ничего нельзя было разобрать...

Нужно взвизгнуть, глаза закатив
И педали нажав посильнее,
Под избитый, унылый мотив
Торопливо нести ахинею.
Пой с улыбкой на алых устах,
Оглушай музыкальной окрошкой
И в особенно слабых местах
Равнодушно

притоптывай ножкой.

Пой уныло, протяжно, без слов,
Чтобы таяла публика в трансе,
Не смущайся, пускай петухов, —
Все возможно

в цыганском романсе.

Дай нам свет! Дай великую новь
Вместе с цирком,

борьбой и ареной,

И запомни: на слове "любовь"

Нужно взвыть

пароходной сиреной.

М.Газ.

Брак по любви

I

На какой-то станции Курбский вышел своей скучающей походкой, поглядел на старые бутерброды, на стоявших за стойкой старых женщин, сплюнул, выпил рюмку водки и, заломив свою инженерскую фуражку, которую носил уже целый месяц по окончании института, заходил по перрону.

Из окон вагона выглядывали женские лица и казалось, будто выходило так, что в других вагонах ехали все интересные дамы, а в вагоне Курбского — все рожи.

— Газет не желаете ли? Петербургские, московские, местные. Брачные газеты. Браки всех сортов-с... 5 копеек, — надрывался газетчик.

— Возьми “брачную газету”, — сказал Ястребцов, попутчик и друг Курбского, тоже едущий в Ялту.

В вагоне читали брачную газету.

— “Молодая вдова желает выйти замуж на две недели”...

— “Желаю провожать молодую богатую даму в театр”

Молодые люди смеялись.

— Гм... В театр? А из театра?

— Из театра ее другой провожать будет. Надо искать объявления “желаю провожать из театра”.

Такого объявления не нашли, но зато было объявление:

“Особа средних лет, весьма красивой внешности, с большим приданым, желает выйти замуж за молодого человека не старше 26 лет. Предпочтение блондину, инженеру или купцу. Варшава. До востребования. А.В.С.”

Ястребцов вздохнул:

— И почему я не блондин? Экое свинство!

— Да чего ты?

Ведь ясно сказано: “особа средних лет”

— Да, но ведь не менее ясно сказано, что с большим приданым.

— Это-то так, но в то время, как величина лет вне сомнений, пожалуй еще уменьшена, приданое-то ведь сомнительно.

— Ничего не сомнительно. Это до брака выясняется...

— Ну еще бы. Из Варшавы, а?

— Из твоего города. Я на твоём месте написал бы... Все данные у тебя: молодой, инженер и, главное, блондин... Ей-богу, напиши...

— Да неловко. Еще знакомая. В Варшаве ведь меня знают.

— Давай я буду за тебя писать. Ведь моего почерка никто в Варшаве не знает...

— Черт с тобою, приедем в Ялту — напишем.

II

Долго писали первое письмо. Оно начиналось так: “Я молод, обеспечен, только что окончивший инженер... Если ваше предложение серьезно и если у вас есть капитал не менее 100 тысяч (заметьте, что я ко всем моим достоинствам еще и блондин), — я охотно войду с вами в переговоры. Мои родители...”

— Как писать-то? — спросил Ястребцев.

— Пиши: — “богаты и души во мне не чают... После них у меня останется огромный завод... Родом я из Киева...”

— Из Киева?

— Обязательно. А то, если напишу, что из Варшавы, обязательно узнают, что мы все это врем...

— Почему же врем? — обиделся Ястребцев... — Как относится к тебе твой отец — знать нельзя, потому что мертвые не говорят. А мать же тебя любит...

— Пиши дальше... Если вы действительно "весьма красивой внешности", но не совсем молоды (не старше 50 лет), соглашение возможно...

— Хорошо! Подписи не дадим?

— Конечно! Пусть пока будет полнейшее инкогнито...

Письмо было отправлено, и через 9 дней получился ответ, написанный на пишущей машинке и гласящий:

"Я богата, образована, дивного характера. Мне 42 года, что будет

подтверждено паспортом. Я вдова фабриканта из Варшавы, хочу испытать любовь и счастье, которого до сих пор не знала... Я была одинока и много страдала. Теперь хочу много любить... Карточки не высылаю, так как хотела бы устроить личное свидание... Устройте и сообщите, каким именно образом... Ваше письмо мне нравится.

P. S. Если вы не совсем блондин, тоже не беда. Женщины после 40 лет умеют любить..."

Молодые люди занялись обдумыванием плана встречи.

— Может быть, на какой-нибудь маленькой станции, — сказал Курбский.

— Нет, это похоже на еврейские смотрины. Лучше ты встретишься с нею в Варшаве.

— В Варшаве? Ни за что!.. Знаешь что: пусть она приедет сюда, в Ялту, и под какой угодно фамилией запишется в гостинице.

— Дальше?— Когда она захочет нас видеть...

— То есть как это нас! Тебя! Я-то тут при чем? Ведь не думаем же мы вдвоем на ней жениться? Этого было бы много даже и для сорокалетней вдовы.

— Да... Конечно! Хотя для нее это было бы удобнее: сразу выбор из двух. Может быть, ты ей больше понравишься.

— Но я уже женат!

— Ах, черт... Досадно! Ну, я сам пойду к ней, а ты будешь ожидать меня в коридоре...

— Хорошо! Так ей и напишем...

— Сажусь... Как начать?

“Дорогая моя невеста”...

— Нет, пиши просто: “Милостивая государыня! Ваше почтенное письмо от 19 с.м. мы получили и...” Одним словом, письмо должно быть деловое; ведь не по любви же я женюсь, черт возьми!

III

Ровно через неделю Курбский получил городскую телеграмму.

“Я в Ялте. Жду вас в гостинице “Россия” сегодня же. Вишнепольская”.

— Пойдешь?

— Конечно! Нужно же познакомиться. Я только не знаю, как ей представиться?

— Ну вот, как? Так и представься! Курбский!

— Упаси Бог... А если не сойде-

мся, она всем разнесет. Я лучше представляюсь под твоей фамилией. Дай мне пару твоих визитных карточек.

— Изволь!

— Гм... Станислав Георгиевич Ястребцев... Это звучит тоже не дурно!

— Торреадор, идем скорей на бой, торреадор, торреадор!..

В гостинице молодых людей ждали.

— Вы в 40 №?.. Знаю, знаю, пожалуйста... Барыня ждут, — сказал швейцар.

— Ну, благослови, старче!.. — шутя сказал Курбский и вошел в 40 №.

.....

Прошло не более одной минуты. Находившиеся в коридоре услы-

хали сперва какой-то дикий крик, потом визг, потом звуки истерики, несшиеся из сорокового номера и возглас Курбского:

— Мамаша, это вы?..

— Сева?!!

И Курбский, выбежав из номера, дико захохотал!..

Его успокоили.

— Ничего, в следующий раз мы потребуем от невесты карточку.

Незнакомец.

КРОКОДИЛЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВЕСЕЛОГО ЧЕРТА
ПО ОДЕССЕ

Путешествие веселого черта по Одессе

Мое почтенье, господа!
Я черт веселый... Да, да, да!
Покинув скучный, глупый ад,
Я к вам явился без преград...
Я ваш покорнейший слуга.
В цилиндре прячу я рога,
А хвост без долгих дум и мук
Прикроет новенький сюртук.
Одесса ваша — чудный край!
В сравненьи с нею ад —
сарай.

Иллюстрации Ф.Сегалю

Вот электричка! Я готов...

— Пусти, кондуктор! —

Нет местов!

— Как нет местов! Ужели факт?

А новый с городом контракт...

— Чего болтаешь? Ждет вагон!

Пошел! Проваливай ты вон!..

Кулак кондуктора свистит —

И кувырком наш черт летит...

— Мое почтение, друзья!

Сижу на крыше мирно я...

Кондуктор черта ль победит?

Ведь черт не слабый одессит!

Ура! Ура! Хочу плевать!..

На крыше — просто благодать.

А впрочем — стоп, сойти пора.

Я Легодэ надул... Ура!

В Одессе — мир и тишина...
— Позвольте, где здесь Робина
Кофейня?.. Там сидят купцы,
И мудрецы, и подлецы,
И маклера, и шулера,
И даже, даже шушера...
И черт в кофейне Робина
Присел спокойно у окна...
Пред ним одесский
“модный свет”:
Дельцы, сотрудники газет,

Врачи, дантист, биржевики,
И молодежь, и старики...
Тот тянет важно чай, как лорд,
И много, много бритых "морд"...
— А вот и клубный наш герой...
Весь черный, с черной бородой...
С ним ряд друзей...

Вдруг: бац и трах!
Вскочил наш черт, почуяв страх,
Он бросил стол, стакан разбил.
Вмешаться в битву поспешил...

За что? Про что? Сюрприз какой!
— Тревога... Шум... Городовой...
В кофейне пьют, и льют, и бьют.
Вот где веселия приют...
— Кто был свидетель?— Я готов!
И подписался: "Сатанов".
— Я побывать хочу везде,
И буду также на суде...
— Эй, человек! Подай пальто!
На чай даю я, как никто...
— Спасибо! — рек официант,
И выхожу как первый франт.

Вот Дерibasовская... Ах!
Как все пленительно в мечтах!
Как сладко здесь текут часы..
А-ля Вильгельм мои усы!
В кармане тросточка торчит,
Цилиндр пленительно блестит...
О, Дерibasовская! Ты
Рождаешь пылкие мечты.
Недаром — духом бодр и смел —
Тебя Юшкевич С. воспел...
Здесь лица дамочек свежей,
Здесь речи девушек нежней...
И бросит каждая здесь взгляд,
Что весь зажжешься, точно ад.
Вот двое... Ангелы — точь-в-точь!
Черны их волосы, как ночь!
Я поухаживать не прочь!
— Мадмуазель, я был бы рад...
О, было б выше всех наград
Знакомство с вами... ваша речь...
— Не любим уличных мы встреч.

— Без исключенья правил нет.
Я чист душой... И много лет
Я в одиночестве грущу,
И ласки теплой я ищу...

— Да неужели? Вот чудак...

— Поверьте, сердце не пустяк:
Вот вы, сударыни... за вас
Отдам всю жизнь свою сейчас...
Девицы к фразам не глухи:
Все ха-ха-ха да хи-хи-хи...

И рядом с ними милый черт
Как кавалер — первейший сорт!

— Куда направить нынче путь,
Где б сердцем, мыслью

отдохнуть? —

Объятый дымом папирос
Так задал дамам черт вопрос.

— Мы в "Скетинг-Ринг" спешим.
И вас

Возьмем, конечно, про запас... —
Услышал дамский он ответ.

— Мерси! Примите мой привет!
Одесский “Скетинг” — новый мир.
Он — населения кумир...
Там на колесиках летят
Студент и врач, и адвокат,
“Файгист”, артист и гимназист,
И модный франт, и журналист,
И дама с мужем, и вдова,
И лишь расцветшая едва
Девушка лет шестнадцати...
Аллах, грехи ее прости!
И все, кто дам первейший друг,
И у кого большой досуг...

Вот черт на "Скетинг-Ринге"
Звон,
И шум, и блеск со всех сторон.
И очарован, опьянен...
Какие дамы! Чудный сон!
Скользят... летят... плывут...
манят ...

И что-то взглядом говорят!!!
Одна... Мигнула... Смотрит черт.
Красотка прелесть! Первый сорт!
Наш черт за ней... глядит в лицо...
Она ж роняет письмецо.

Черт поднял — смотрит.
В сердце жар.
“На Николаевский бульвар
Придите завтра ровно в семь...
Где руку простирает Дюк,
Где музыки несется звук -
Гулять я буду, мой дружок,
Держа лишь “беленький цветок”.
...Наш черт, веселием объят,
Письма вдыхает аромат...
И снова он летит, скользит,
И взор огнем его горит.
А обе барышни уж тут,
Как мухи к меду, так и льнут...
Выходят. — Эй, извозчик, эй!
Заснул? Коляску дай живей!
Скажи, милейший, ты не пьян?
Валяй на “Маленький Фонтан”!

Ах, что за ночь! Встает луна...
О берег плещется волна...
Обрывы, скалы, зелень дач...
Вдали от жизненных задач,
От треволнений и идей
Бокалом полным счастье пей!
— Пойдем, красотки, на утес, —
И черт спешит, подняв свой нос.
За ним девицы... Даль ясна...
Смеется полная луна.
Черт снял цилиндр, свое пальто,
Не заберет тут дам никто...
Прочь шляпки дамские летят,
Трепещет грудь! Глаза горят!..
И вот под такт фонтанских струй
Звучит горячий поцелуй...
Еще один... еще... еще...
Как черт целует горячо!..
А ночь... Прекрасна и тиха,
Полна соблазна и греха...

Но вдруг какой-то шорох, стук...

— Кто здесь? —

Ведь это вон из рук...

Пред чертом некто...

Иль артист,

Или солидный журналист...

Усы, очки и борода...

— Что испугались, господа...

Поверьте мне, я не бомбист...

Я ученик... Я лишь "файгист".

— Вы ученик... Ну, вот-те на!..

Да в голове уж седина...

— Увы! Морозик на челе,

И все постыло на земле...

И у меня пять душ детей,

А все ж "файгист" я, ей-же-ей!

Учусь, волнением объят,

Чтоб получить лишь аттестат.

За "место" я тыщонку внес

И получил в итоге — нос.

Теперь уволен я — беда...
Из-за суда, из-за суда!
Теперь куда, куда идти?..
Где аттестат теперь найти?
И вот среди фонтанских скал
Теперь я в море смерть искал...
— Прощайте! Жить я не хочу!..
— Стой, брат, не то поколочу!
Ты поворачивай-ка борт! —
Схватил “файгиста” крепко черт...

Уж тихо близится рассвет,
И посылал петух привет
Светилу дня, его лучам,
Когда, забрав прекрасных дам,
С “файгистом” вместе черт домой
Катил, вздымая пыль волной...
“Файгист” ожил, повеселел
И очень бодро вдаль глядел...
И дамам говорил в момент
За комплиментом комплимент.

Пускай пройдет шумливый день,
И лишь покроет ночи тень
Весь город — храмы и дворцы —
Мы вдаль умчимся, как птенцы:
Заглянем в "Северную" мы...
И станем там на миг детьми...
Заглянем в парк,
и в цирк к борцам,
И к "Альказарским" молодцам...
В Одессе ныне — просто рай —
Лишь "пети-мети" подавай!
Устал наш черт, но невзначай,
К Фанкони едет пить он чай...

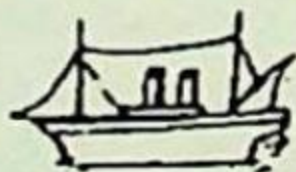
Сидит и смотрит: перед ним,
Пуская из сигары дым,
Какой-то господин седой...
И задает вопрос такой:
— Вы, извините, милый мой,
Не гласный думы городской?
Коль гласный вы —

так в добрый час:

Наверно, деньги есть у вас...
Успели верно вы подряд
Забрать на много лет подряд,
А потому... имею честь...
Позвольте к столику присесть...
Могу продать вам в миг один
Пятнадцать тысяч десятин
Земли такой, что — Боже мой! -
К вам будут деньги течь рекой...
А если нет — купите дом
Большой, роскошный, а потом
Вы пожалеете... — Ой-ой!
Где вы найдете клад такой!

Что? Не хотите? Почему?
Поверьте слову моему,
Что вас богатство скоро ждет,
И счастье в руки к вам идет...
Могу вам предложить завод
Или отличный пароход...
Купите акции... Добро!..
Могу продать вам серебро,
И выбор ложек и часов,
И даже краску для усов...
Все, что угодно, господин,
Могу вам дать в момент один...
Черт улыбнулся: — Милый мой!
Вы славный малый, с головой,
Но черта трудно ведь увлечь,
И ведь напрасна ваша речь...
Но вас я так не отпущу,
Стаканом чая угощу...

Вот день промчался, точно сон,
Черт мчится, счастьем опьянен,
На Николаевский бульвар,
Где ровно в семь богиня чар
У Дюка ждать его должна,
Мила, прекрасна и нежна...
Бульвар роскошен в дни весны...
Аллеи публикой полны...
Шумят деревья, — точно зонт,
И так лазурен горизонт,
На пьедестале Ришелье
Стоит почти в одном белье...

И всюду шум и юный смех...
Весна, весна! Пора утех!
Пора волнения в крови,
Пора лобзаний и любви...
Черт смотрит зорко. Вот одна
стоит с улыбкою... Она!..
Он к ней приблизился, дрожал
И крепко руку ей пожал:
— Ах, как я счастлив в этот миг!
Вы здесь! Блаженства я достиг.
Сдержали слово вы, мадам,
И я `всем сердцем предан вам!..

Я. Осипович

Вместо подписи

Рис. С. Фазини

Город

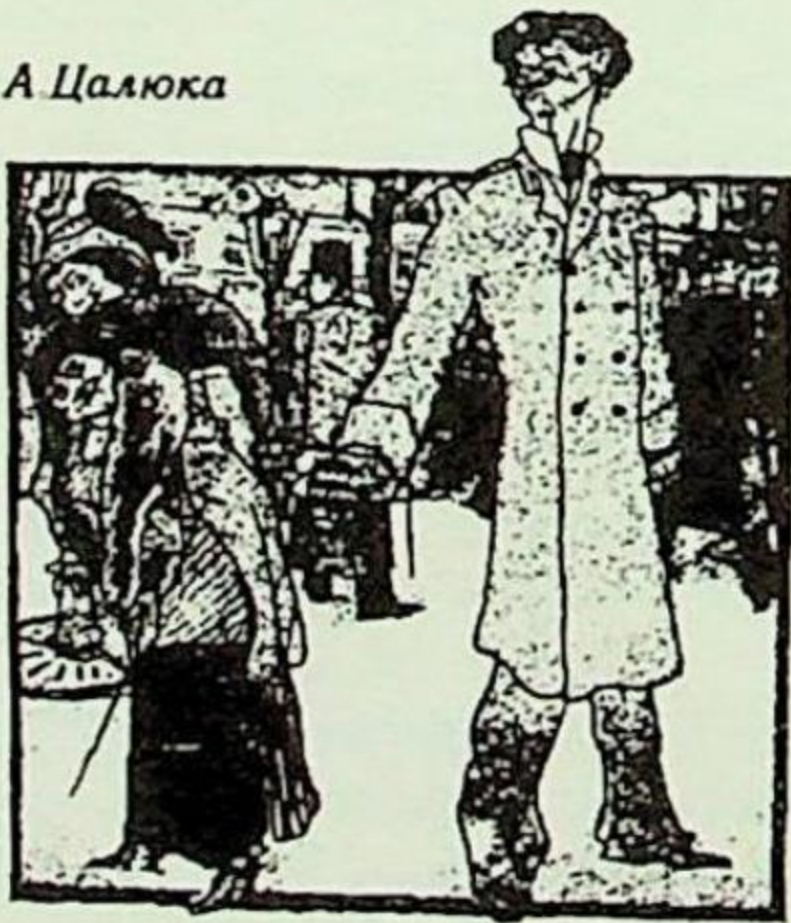
Многоцветные витрины,
Миллионы жадных глаз,
Размалеванные Фрины,
Груды, плечи напоказ.
Как прилизанные крысы,
Семят на каблучках
Современные Парисы
При усах и в котелках.
Фаты, купчики, гимнасты...
Шум, движенье, гам и звон...
Здесь разящие контрасты
Бьют в глаза со всех сторон.

Крик: кого-то задавили —
Распростился с головой!
Ах, бедняк... А, впрочем, что же!
Что жалеть тебя... увы!
В этом шуме все мы тоже,
Как и ты, без головы.

Эмиль Кроткий.

Рис. А. Цалюка

Веселая прогулка

I

Кому пришла в голову эта ужасная мысль, трудно сказать, но кто-то из веселой компании молодежи предложил:

— Поедем в Аркадию!..

— Не в Аркадию, а в Аронию — поправил его другой...

Воскресный день был так прекрасен, весеннее солнце так нежно грело, запахи цветов на улицах звали к морю, к шире и простору, а в городе было так серо и тоскливо, что все соблазнились...

— Но как мы поедем?.. В колясках?... — спросила артистка.

— Ужасно хохочу по поводу этого наивного предложения, — сказал молодой режиссер. — В колясках?

Я предлагаю взять два автомобиля или один аэроплан...

Но это предложение по многим причинам оказалось неприемлемым: для автомобилей не было денег, а для аэроплана не было самого аэроплана.

Несчастливая мысль пришла в голову наивному, как все истинные художники, композитору.

— Поедьте на конке...

— Смеюсь до коллик! — сказал режиссер, но сосчитав свои деньги, согласился:

— А ведь, пожалуй, веселее конкой.

Кто-то очень веселый, вероятно, предложил:

— Два удовольствия сразу: до конки мы доедем электрическим трамваем.

Но это не удалось. У станций электрического трамвая, не только у конечных, но и на перекрестных, стояли толпы народу и ждали... очереди... Матери забывали своих детей, жены — мужей, мужья — жен...

Каждый, вскочивши на площадку, забывал о всех остальных, и только издали, с уходящего вагона, матери иногда кричали оставшимся:

- Там остался мой ребенок! Добрые люди, доставьте его на Греческую, 7, кв. 3... Будет выдано приличное вознаграждение...

*“...То слезы бедных матерей:
Им не забыть своих детей...”*

Наконец, артистка предложила:
— Знаете что, доедемте до малофонтанской конки на извозчиках...

— Удивительный в Одессе способ передвижения: всюду ездят на дрожках, а в Одессе на извозчиках. Бедные извозчики, им должно быть очень тяжело! — удивился наивный композитор...

Ехали “на извозчиках” и удивлялись:

— Почему это вдруг почти все улицы непроезжими сделались? Всюду уширяют, мостят, всюду разрушение.

Извозчики объяснили:

— А выставка!

Что это значило, трудно сказать, но многие делали догадки, что город нарочно разрыл все улицы, ведущие к выставке... какое ложное обвинение...

У станции аркадийской конки творилось почти то же, что, по увере-

ниям старожилов, было при всемирном потопе. Лагерями расположились люди в ожидании конок. Многие спали вповалку, другие стояли посреди улицы и смотрели в подзорную трубу: не идет ли конка. Делились впечатлениями:

— Вы — какую?

— 12 - ю жду.

— Счастливчик, а я 19 - ю конку пропустил...

— Ползет!..

Публика бросается вперед и с риском для жизни набрасывается на вагон...

А когда вагон подходит к станции, кондуктор заявляет:

— Этот вагон в Аркадию не идет... Слазьте!..

Но публика не сходила и кричала в исступлении:

— Везите куда-нибудь!..

А молодой композитор мечтательно декламировал из Байрона:

— *“Пусть мачты в бурю
заскрипели,
Изорван парус, труден путь!
Я понесусь вперед без цели:
Я должен плыть куда-нибудь!..”*

Вагон “несся” со скоростью черепахи, страдающей ревматизмом и полечившейся на одесских лиманах.

II

Из Аркадии выбраться труднее, чем из ада.

Извозчиков нет...

Когдаходишь к извозчику и сперва требуешь, потом просишь, умоляешь его:

— Отвези в город!..

Извозчик издевается:

— А чего же вы не наняли туда и обратно? Хитрые вы, господин, 8 рубликов до города...

И если вы уже соглашаетесь на его дьявольские условия, он вдруг заявляет:

— А я занят и не могу ехать!

— Да как же ты, каналья, торговался, если ты занят?..

— А я думал, что вы не дурак и не дадите 8 рублей... А вы дали... нет, не поеду...

Тогда публика пускается бегом на Малый Фонтан... Там конка... более доступна.

Ждут час, два: нет мест. Скоро уже последние конки...

Остроумные люди предлагают единственный выход:

— До юнкерского дойдем, а оттуда пешком!..

Однако, не все соглашаются на такой компромисс... Многие отправляются большими партиями вперед:

— Захватим места, приедем сюда обратно, а отсюда уже в город.

И идут, идут... обыватели по направлению к городу...

Но встречные конки все заняты теми, кто ушел еще дальше и раньше захватил место...

Идут все вперед. Наконец, на половине дороги до города — совершают нападение на конку и овладевают ею... и едут назад на Малый Фонтан.

Кондуктор, очевидно, знает нравы одесситов, потому что кричит:

— Господа! Платить нужно! Даром не повезут!

Но одесситы рады уплатить еще

по гривеннику, лишь бы хотя бы рикошетом добраться до города...

По дороге толпа алчущих!..

Они рыдают, они предлагают полжизни за место, но вагоны полны...

И когда конка подъезжает к Малому Фонтану, она уже полна захватившими места раньше, и публика, ожидающая конку, шлет проклятия року...

Ночью возвращаются домой смельчаки, доехавшие в Аркадию, возвращаются разбитые, усталые, измученные...

— Прогулка была прекрасной, — рассказывают они на завтра своим кредиторам, а втайне надеются:

— А ну-ка, рискни и ты! Поезжай! Пострадай!.. Помучайся!.. Будешь ты меня помнить!..

Б. Флит.

Совпадение

Рис. Н. Нервного

Дама: — Это черт знает что... Давка такая, что уже два часа стою на одной ноге.

Пассажир: — И представьте себе, как раз на моей!

Рис. В. Никулина

Весна

Весна, право, самое... нахальное время года...

Весною всякая травинка, которой грош цена, всякий подзаборный кустик, сучок, лепесток или листочек — широко ухмыляется, как свежесвыбранный лакей, сияет, а, главное, обращает на себя всеобщее внимание отчаянной рекламой...

И — какой наглой!

Говорят, что в Америке реклама — чудовищна, но, право же, она

значительно уступает мировой "сенсации" весны...

Разве самая наглая американская реклама, кроме зрения и слуха, действует еще и на ваше обоняние?!

Разве она одурманивает ваш мозг?!

...Что и говорить, весна рекламирует себя отлично, и, конечно, популярность ее превосходит всякие ожидания: весна популярнее иллюзионов, копеечных газет и народных бань...

И, как всякое удачное предприятие, она будит в сердцах человеческих немало зависти, тоски и плохо скрытых вздохов...

Да, весна доставляет много неприятностей, и власти давно принимают против весны решительные меры, но, как это всегда бывает с властями, эти меры направляются не туда, куда надо...

Например, чтобы отвлечь от весны молодежь, ей преподносят экзамены, но эта жестокая мера заставляет страдать, к сожалению, не только молодежь.

Глядя на молодежь, страдают и взрослые.

Страдают почтенные и даже пожилые люди, и страдают, как это ни странно, оттого, что время, когда они экзаменовались—прошло давно.

Весной, кроме природы и экзаменов, популярны еще и женщины...

Но они — как назло — отличаются добродетелью: искренне возмущаясь кокетством весенней природы, только и знающей, что прихорашиваться да одеваться, — они предпочитают не одеваться совсем и так и гуляют с голыми шеями, плечами, руками и в прозрачных платьях...

А с такой добродетелью бессильны бороться даже и власти...

Зозуля.

Чудак

Я знал одного господина...

Он вырезал из журнала картинки, вставлял их в рамки и гордо хвастался:

— За эту картинку я заплатил 200 рублей. А вот за эту — 500 рублей...

Никто не верил...

— За маленькую 500, а за эту большую 200?

— Дело не в величине, господа! - говорил старик... — Тут понимать надо... Тут дело тонкое.

Этот любитель картин составил себе огромную галерею...

Ничтожные, ничего не стоящие картинки украшали его галерею.

И никто не верил... И все хохотали: — За эту 500? Да я ее в журнале видел... И вся цена журналу — 5 копеек.

— А я заплатил! — упорно говорил господин.

— Да почему же? Да ведь это не оригинал, а снимок, это цинкография.

— А я заплатил... 500!

И господин не лгал!

Он был издателем юмористичес-

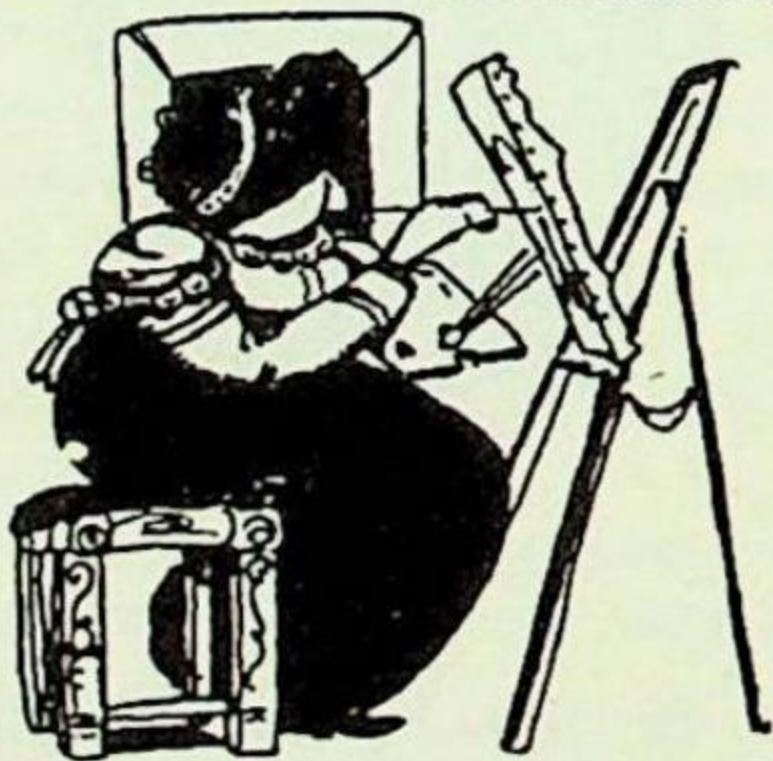
кого журнала и собирал все картин-
ки, за которые он заплатил штраф.

И скоро его галерея была самой
дорогой в городе.

Нез.

Художница-модернистка

Рис. Л. Митницкого

— Я нарисую а критики уже сами
разберут, что здесь нарисовано: “Пир
красоты на Олимпе” или “Наяда в
мехах”...

Современные поэты

Рис. А. Цалюка

— Гм... 10 лет я искал популярности, выпустил 3 книги стихов — ничего. А вот вчера поколотили меня по случаю Нового года — и сразу стал знаменитостью...

Творчество

Он был молод, но его одолевала скука жизни. И он зевал, лежа на диване. Пред ним открывался залитый солнечными лучами цветущий луг, где он гулял с "ней", упиваясь ароматом и любовью. И представилась ему зеленая роща, где он слушал с ней песни соловья под шепот деревьев, ласково склонивших ветки, через которые голубое небо отражалось в глазах милой, а на лице ее расцветала улыбка, и губы никли к поцелую...

Он сел к столу, забыв весь мир, взялся за перо и явился *том стихотворений*.

Прошел год. Осенняя выюга завывала, раскачивая оголенные ветки

деревьев, и в окно смотрело серое, как солдатское сукно, небо. Он стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу, и на душе было холодно, как на дворе. Ни проблеска, ни света. Нависло мрачное молчание. Кругом холод и мрак. Она исчезла, как призрак, как видение. Где теперь его возлюбленная, его мечта? Она изменила. Его губы искривились, он засмеялся: все женщины таковы.

Он сел к столу, злобно ухмыляясь, взялся за перо, стал писать — и явился *роман*.

Еще год прошел. Он стал мужем другой, с которой встретился случайно. На дворе зима, и снежная буря воет, как затравленный волк; тяжело вздыхая, он шагает по ком-

нате, садится в угол, хватается за голову и опять шагает до изнеможения. А жена, мать жены, тетка — шипят и пилят, так что мороз продирает по коже, хотя печка топится (его стихами и романами). И, как во сне, он снова видит зеленую рощу, голубые глаза, но женин голос заглушает шепот сердца.

Он сел к столу, плотно сжимая губы, взялся за перо — и явилась драма.

Снова прошел год. Волосы стали седеть, взгляд помутился. Опять за окном цвела весна и расстилалась сияющая даль, но зеленый шум не отдавался в сердце. Зато рядом за стеной слышался подавленный шум, тревожная возня. Он взволнованно ходил большими шагами, не находя

себе места. Наконец вошла старуха и объявила, что родилась дочка, вылитая мать. Он присел к столу, потер лысину и, подняв удрученно голову, подумал: *“Явилось живое произведение”*

И, сломав перо, он бросил творчество и занялся коммерцией.

Е.Клавдин

Саша Писунчиков

В один прекрасный летний день Саша Писунчиков, молодой человек (да простит он мне это, несколько вольное, выражение), молодой человек девятнадцати лет, одетый хоть и неблагородно, но на лице своем имеющий особое благородное выражение, твердыми шагами вышел из своей комнаты и пошел по улице.

Дойдя до почтового ящика, он достал из кармана белый пакет, минуту вдохновенно и нежно смотрел на него и осторожно опустил его в отверстие. Затем поднялся на цыпочки, прищурил один глаз и стал глядеть в ящик. Глядел он довольно долго... наконец, тяжело вздохнул и пошел домой. Дома он достал тетрадь в кожаном переплете, на первом листе которой стояло крупными буквами: "Записки души моей" — повертел пером и написал следующее:

"...Свершилось!.. Сегодня в полном смысле великий, даже величайший день моей жизни... *Alea jacta est*, как сказал древний мудрец... Теперь я гляжу на себя другими глазами. Я уже не просто Саша Писунчиков...о, нет... Я чувствую к себе приятное этакое уважение, а в себе

что-то такое яркое, сильное (верно, священный огонь). Поэт... Да, я поэт...

Когда я иду по улице, на меня смотрят, но никто не знает, кто я.

А если бы они знали? Нет, зачем. Я скромн... (Все истинные таланты скромны). То там, в ящике. Вот почтальон возьмет письма и прочтет на моем: "В редакцию журнала"... Что он подумает? Наверно, что это пишет знаменитый писатель...

А вдруг он вздумает украсть и послать в другой журнал под своим именем... О!!! Даже страшно... как мог я доверить *это* почте... А может быть, не украдут?..

Итак, я поэт... Был Пушкин, а теперь Писунчиков... Пушкина тоже звали Саша... Это неспроста... Это знамение... Да...

Сегодня буду у Жвакиных... Скажу... не скажу... Скажу... не скажу...
: . . . . . :

Писунчиков отрастил себе длинные волосы. Лицо его теперь меланхолично и носит печать того, что зовется "мировой скорбью"... Говорит он сквозь зубы, взгляд у него рассеянный... Носит он бакенбарды и часто, стоя у зеркала, шепчет: "Саша Пушкин... Саша Писунчиков... Такое же имя, такие же бакенбарды..."

Он вскользь говорит знакомым барышням слова вроде: "Мы, поэты..." или "Творчество — это... это... того..." — и барышни очень его любят.

Он им нередко пишет в альбомы, причем всегда усталым, небрежным жестом откидывает волосы, грустно

улыбается. Тайком от всех каждую неделю он покупает один и тот же журнал, долго в нем что-то ищет... затем вскакивает, бегаёт по комнате и стонет.

После этого он два дня нигде не показывается и реже любуется в зеркале на свои поэтические бакенбарды...

Однажды Писунчиков пошел в лавочку купить себе ужин. Там какой-то мальчик продавал целую груду исписанных бумаг. Когда он ушел, Писунчиков спросил:

— Это кто?

— А из редакции, — ответил лавочник, — он там из корзины берет бракованное и нам на вес продает.

И взяв из груды лист бумаги, он завернул в него Писунчикову селедку.

— Вот, — с горечью думал, идя домой, Писунчиков, — вот как приходится есть настоящим талантам. Гнилую селедку!..

В своей комнате он развернул попку и страшный крик вырвался у него... В грязной засаленной бумаге он узнал свои стихи...

В тот же вечер Писунчиков остриг длинные волосы и сбрил бакенбарды.

Карлов.

Чудак

Один очень предприимчивый чудак, дотла прогоревший на издании юмористического журнала, так долго скучал по нем, хандрил и даже плакал, что решил, в конце концов, издать... журнал плача...

— Кто знает, — надеялся он, —

может быть, слезы понравятся людям больше, чем смех...

И в один из достаточно скверных дней ближайшей осени во всех газетах появилось следующее объявление:

съ такого-то числа начнет выходить еженедѣльный, иллюстрированный и исключительно - слезливый журналъ

„ПЛАЧЪ“

12 стр.—1 краска (черная)—цѣна 5 коп.

А вслед за этим началась и работа... Журнал обещал быть чрезвычайно литературным. Дело в том, что сотрудничать в нем имели право только люди, прославившиеся своими несчастьями, и неожиданно в списке его сотрудников оказались

все без исключения литераторы — ибо для кого же литература не несчастье?..

Словом, журнал обещал быть необыкновенным...

Предприимчивый издатель ожил.

Он бегал по своей редакции, хлопотал, нервничал, кричал по телефону, читал рукописи, раздражался и, разводя руками, упрекал авторов:

— Ну, господа, тут плачу нет! Плачу побольше, плачу! Помилуйте, да тут ни одной слезы нет!..

И номера выходили на славу!

На обложке, например, первого номера была нарисована плакучая ива, среди текста красовались в черных рамках портреты наиболее прославленных неудачников, в виде виньеток в журнале мрачно чернели оторванные головы, костыли изве-

стнейших калек и толстые кандальные цепи... Текст же был до того промочен слезами, что некоторые читатели предъявили иск за схваченный во время чтения ревматизм... И даже объявления принимались в этом журнале только о несчастьях: о похоронах, выборах, выходе новых газет и пропажах...

Так издавал чудак свой журнал!

Всё свихнувшееся, сломанное, погнутое, исковерканное, потерявшее надежду и обессиленное — находило себе место на его страницах...

И журнал имел огромный успех!..

Он сразу стал самым популярным, его покупали нарасхват, читали взасос, перечитывали, зачитывались им, а зачитываясь, — широко открывали рот и... хохотали!..

Зозуля.

Рис. С. Фазини

Зимою

(Записки провинциала).

...Мне скучно. Плохие соседи —
Тоскливы, как жизни этапы, —
Уснули и, словно медведи,
Сосут свои жирные лапы.
Все дни монотонны и серы,
Вчера на сегодня похоже...
Напиться бы, что ли, без меры
И строить пред зеркалом рожу!?

Проклиная гнет вериг
С злым аппетитом,
Надеваю воротник
И иду с визитом.
Что? Куда? Не все ль равно?!
Лезь в чужие двери!
Вот и светится окно,
Загляну я к Вере.

Думал: Верочка одна,
С ней и поскучаю, -
Целых восемь... Са-та-на!
Кто они? Не знаю.
Окружили, потащили,
Заплясали, завизжали;
"Ах, какой вы славный, милый!
Вера, марш скорей к рояли!"
Маня, Люба, Лиза, Лотти,
Вера, Катя, Таня, Дора:
"О, теперь вы не уйдете,
Не отпустим мы вас скоро".

Чаем потчуют с вареньем
И кондитерским печеньем.

Я польщен... За что? Увы, не знаю;
Чем от прочих я мужчин
отличен?

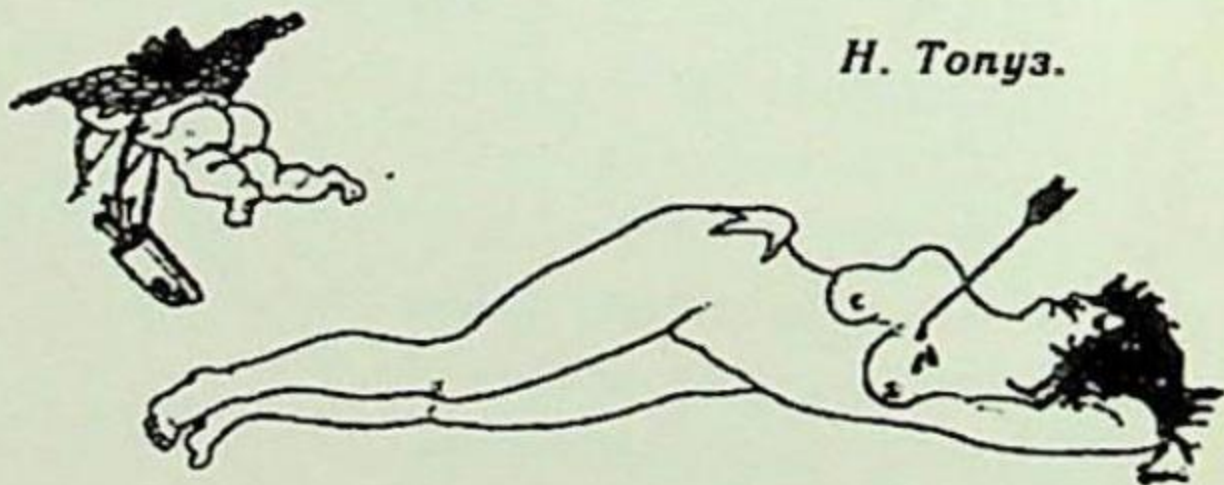
Не красив я... Впрочем, понимаю:
Я, должно быть, страшно
симпатичен.

Так, польщенный этой сценой,
Выпил чай одним я духом,
И с улыбкою блаженной
Нежно чмокнул Маню в ухо.
Та молчит и скалит зубки.
И в безумной жажде ласки,
Я открыто, без опаски
Чмокнул Маню прямо в губки.
— К черту цепи жизни серой!
Я любить хочу безмерно, —
Крикнул я неимоверно,
И... сконфузился пред Верой.

У нее глаза невольно
Загорелись жадным блеском,
И пощечина пребольно
Опустилась с громким треском.
“Ах, негодный! Так открыто
Изменяешь ты невесте?
Вон отсюда, волокита,
Убирайся с нею вместе”.

Всем случившимся убитый,
Я не мог спросить по чести,
Благородно и открыто:
— Изменил я чьей невесте?

Н. Топуз.

Рис. С. Фазини

Грустная история

(Компиляция)

С пирушки в это воскресенье
Домой я плелся под хмельком.

“Клянусь я первым днем

творенья,

Клянусь его последним днем”.

Вдруг в шубке милое создание

Мелькнуло быстро предо мной.

“И прежних дней воспоминанья

Пред ним теснились толпой”.

Чтоб не создать разлада с веком,

Я полетел стрелой за ней.

“Быть можно дельным

человеком

И думать о красе ногтей”.

Я в восхищеньи был; ей-богу,

Глядя на стан ее и грудь.

“Мы все учились понемногу

Чему-нибудь и как-нибудь”.

Бросая огненные взоры,
Ее обнял случайно я.
“Дианы грудь, ланиты Флоры —
Прелестны, милые друзья”.
Но тут она — о, дочь квартала —
Пощечину влепила мне.
“Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине”.
И я, как столб, стоял на месте,
Увы! с поникшей головой.
“Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой”.
Щека с печатью женской длани
Горела радугой и жгла.
“Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла”.
Она влепила мне искусно,
Должно быть, так уж суждено.
“Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно”.

Тузики.

Рис. С.Фазини

Вите Б.

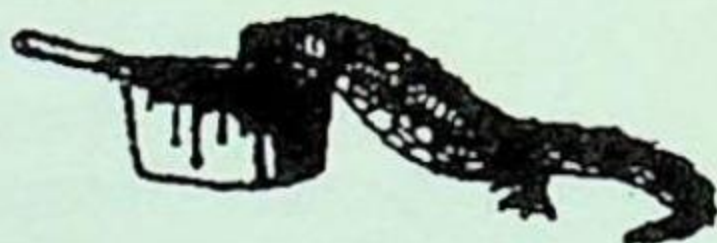
Свел нас не случай —
        глупцов легкомысленных
Тешит могущество случая дутое:
Друг из вассалов твоих
        многочисленных
Свел нас на горе себе да на лютое.
Свел, чтоб похвастать
        своею “симпатией”,
Чувствуй, мол, нас,
        коли ты не бесчувственный!
Видно решил,
        что с монашеской братией
Дело имеет, —
        дурак безыскусственный!

Я посмотрел на тебя
и — зажмурился,
Живо порхнула душа
из подрясника...
Что тут рассказывать!
Я в тебя втюрился
С пылом позорным
щенка — “третьеклассника”.

Помнишь, родная, —
иль ты не заметила?
Как я сжирал тебя
нежными взорами?
Нет, ты на взор мой
влюбленный ответила,
Слишком знаком я
с очей разговорами!
Как я, волнуем мечтами
отрадными,
Шел, подтверждая
догадку Коперника!

Как провожал я
                                глазищами жадными
Гнусную рожу
                                счастливец — соперника!
Гром набегал,
                                и злорадному чувству я
Так отдавался, —
                                ну весь — ожидание!
Как хохотал я, счастливец,
                                предчувствуя:
Эта гроза вам расстроит гуляние!
Как ликовал я,
                                грозою захваченный:
Пусть я промок,
                                что зовется, до ниточки,
Пусть не с тобой я —
                                мой друг околпаченный
Тож не с тобою —
                                и дважды в убыточке!..

Эмиль Кроткий.

Без заглавия

Раз в вагоне "электрички"
Я сидел в начале мая,
О могуществе привычки
И о прочем размышляя:

О душе, плененной взором,
О глазах, что сердце ранят, —
Сим бессловным разговором
Я всегда и всюду занят.

А меж тем, о власть привычки,
Неусидчивые взгляды
По вагону "электрички"
Совершали променады.

Все, как есть, доступно взору!
И порхал он беззаботно,
На глазах, что свиньям впору,
Отдыхая неохотно;

Сих обид не замечали
Равнодушные соседи
И бессовестно дремали,
Как берложные медведи.

Но когда среди скучных рож их
Совершал он путь обратный,
Он среди лиц, до злости схожих,
Лик твой встретил ароматный.

Мне казалось: мир притихнул, —
Хоть трубил сосед мой носом;
Я молчал, но взор мой вспыхнул
Безрассуднейшим вопросом

КРОКОДИЛЬ

ОДЕССА
ОТ ПУШКИНА
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Одесса от Пушкина до наших дней

Не зная сил тупых, враждебных
Она сияла, как звезда.

А Пушкин рядом строф
волшебных

Ее приветствовал тогда...

А годы шли... Купцов приманка,

Она все флаги привлекла,

И за чертою порто-франко,

Набив карманы, расцвела.

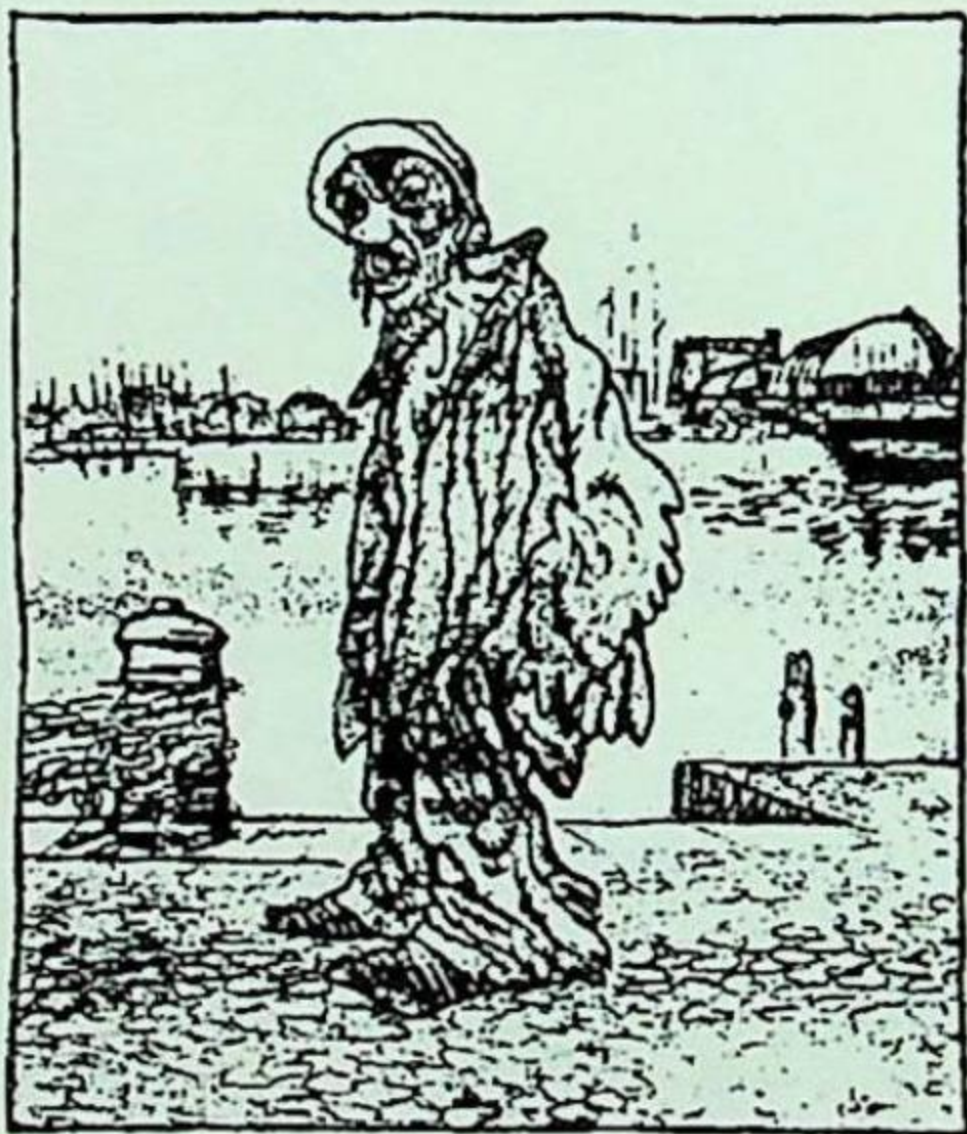
А теперь... Впрочем, чем бросить
в нее приговор роковой,

позовем-ка ее да расспросим:

"Как дошла ты до жизни такой?"

Квадратура круга

Рис. Мад

— Если я буду много работать, я смогу много пить; если же я буду много пить, я не смогу много работать. Эх, жизнь!

Наше родимое

Шесть долгих лет
мы ждем и не дождемся,
В тупой тоске
проводим тускло дни;
Об лед безвременья,
как рыба, тщетно бьемся
И тушим трусостью
заветные огни.
Зачем просить,
зачем искать защиты?!
Довольны много
участью своей:
Надежды наши
плесенью покрыты,
И ум устал искать других путей.
А между тем
в туманном Петербурге —
Кто, как пророк,
кто в чаяньи наград —

Повара из Таврической кухни
Накормили голодных людей?..

Хорошо быть депутатом.
Подводить тщете итоги;
Не трепещет каждый атом,
Нет ни страха, ни тревоги...

.....

Преисполнены чувством тупым,
Мы уснули и спим непробудно
И трепещем за шкуры, дрожим,
И святыней считаем режим:
Ведь протест выразить...

безрассудно.

Н. Топуз.

Предвыборная песня

(Правая)

Правые усиленно готовятся к предстоящим выборам в Гос. Думу.

(Из газет)

Скоро выборы, ребята!
Мы ль народом не богаты?
Нынче лезут в депутаты
Шантрапа да шушера!
Не внимая левым хорам,
Не стремясь к решеньям скорым,
выбирайте с перебором,
Коль придет тому пора.

Убедились вы из прессы,
Как российские "кортесы"
Защищали интересы, —
Коль не ваши, так свои;
Как умели в Думе важной
Загинать многоэтажно,

Получать за это каждый
Не копеечки, — рубли...

Тех пошлите с легким сердцем,
Кто ругаться может с перцем,
Дышит злобой к иноверцам:
Финнам, ляхам и жидам.
Для парламентских артистов
Не забудьте и статистов:
Три десятка октябристов
Не мешает выбрать вам.

И скажу вам по секрету:
Хоть противны мне кадеты,
Все же в Думу пакость эту
Вы пошлите, — штук пять-шесть:
Ведь для Думского скандала
Нужно все же матерьяла,
Для того, чтоб Русь узнала,
Что работа в Думе есть.

Эксс

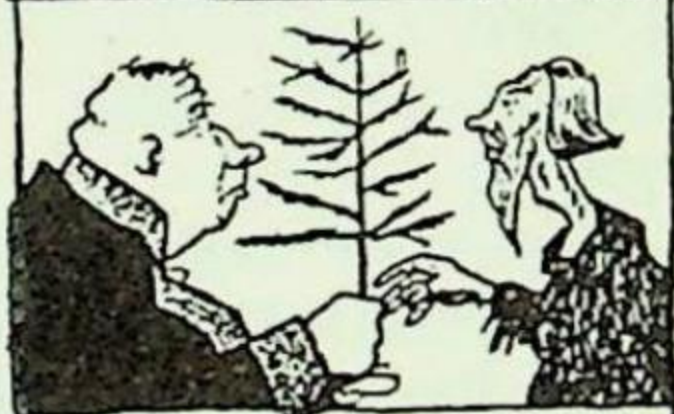

Народная елка

Рис. Ф. Сегаля

1905

1908

1911

Я тихо запру за ушедшими двери,
Прилягу —
и прежним отдамся мечтам.

Новый год, обман старинный
Для доверчивых людей, —
Не туманная ль картина
На железном фоне дней?

Новый год? Ужель повеет
Новой жизнью в этот год?
Пуришкевич поумнеет?
Солнце с запада взойдет?

Успокойтесь: сном суровым
Жизнь потянется, как встарь,
И один лишь будет новым
На простенке календарь.

Эксс.

Шаржи на одесситов

Рис. Н. Нервного

Присяжный поверенный Сосин

Высокий пост

Рис. Б. Антоновского

- Вы знаете, через его руки
проходят все самые важные бумаги.
— Да ну?
— Он запечатывает конверты.

Без подписи

Г. Хенкину

У вас талант не миньютюрный.
Смешите нас порой до слез...
Успех имеете вы бурный!..
— Что значит? Хенкин? О?! Вопрос?!
Любимец вы Одессы всей...
Но все ж, от головы до низа,
Всегда в вас кроется еврей,
Хотя б играли вы маркиза.

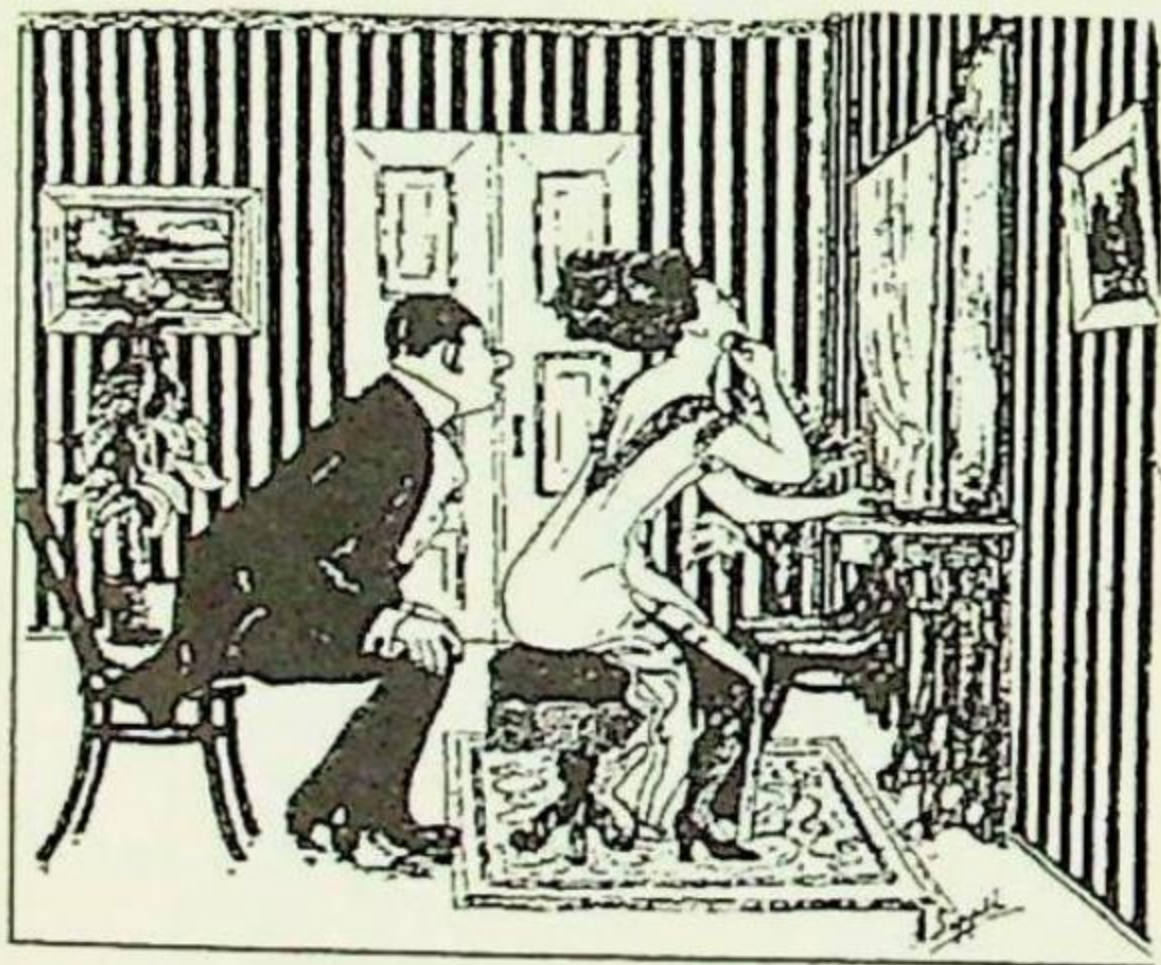
Рис. Мад

**Морской
ВОЛК**

Тоже забастовка

Рис. Лазарева

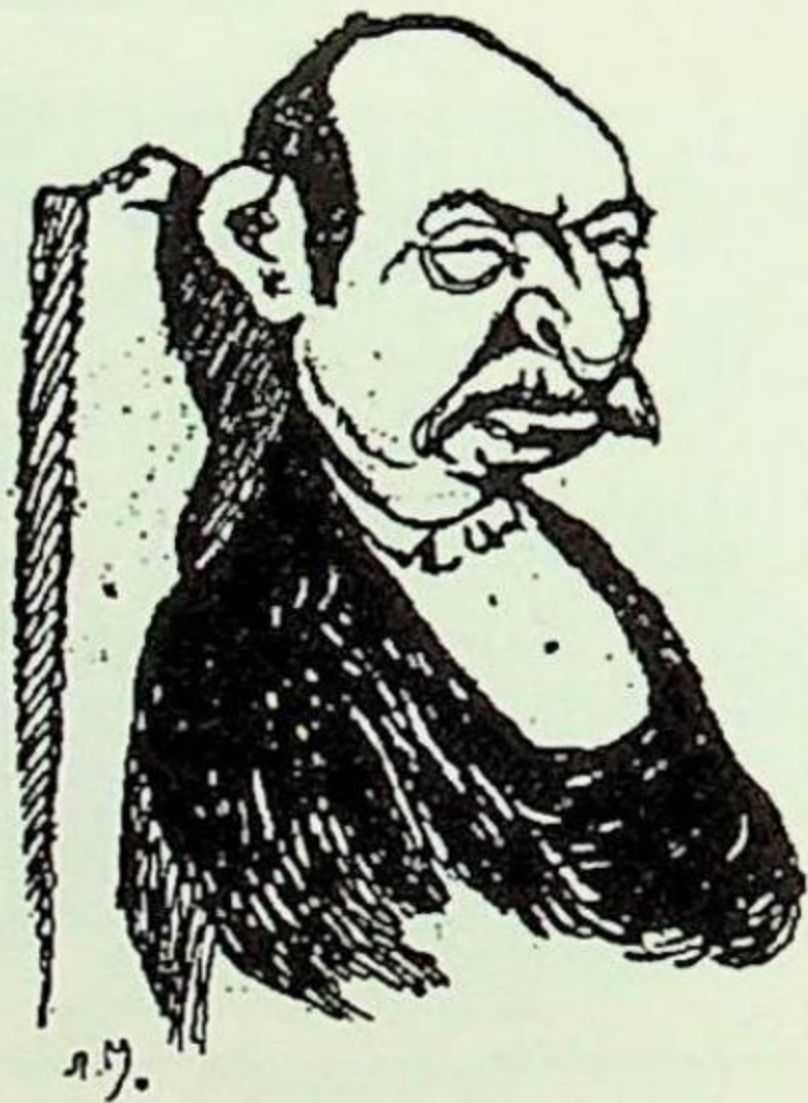

— Марья Павловна! А ведь скромность-то ваша поддельная! — Ишь, глазки-то, как раскаленные угольки горят!

— Не старайтесь! У меня теперь тоже угольная забастовка.

Рис. Л. Митницкого

— Что? Цессевич? Э! Я Шаляпина слышал! Что? Шаляпин? Э! Я Баттистини слышал! Что? Баттистини? Э!.. Я Карузо слышал! Меня ничем не удивишь!..

**М.И.Чернов
в роли Калхаса**

Рис. Ф.Сегаля

— А я?.. Разве у меня не судьба?..
Хотел бы играть Отелло, Гамлета, а играю
фарсы... Живот!.. т.е., судьба!

Наш паноптикум

Рис. Ф. Сегаля

“КАКАЯ СМЕСЬ ПЛЕМЕН, НАРЕЧИЙ,
СОСТОЯНИЙ...”

Случай в провинции

В редакцию газеты
“Современные темы”

Пришел юнец
И принес, наглец,
За подписью “Немо”
Стихотворение Пушкина.

Редактора Петрушкина
Не было:

“сидел” за порнографию,
Секретарь ушел в типографию.
Принимал фельетонист
Владимир Незлобин;
Был он в статьях очень злобен
И речист.

Выругав юнца в душе
нецензурно,
Он, прищурясь, прочел
стихотворение

Спорили с жаром,
В пылу называли друг друга
дубиною.
А юнец пришел за гонораром
И получил от редактора
Петрушкина
За стихотворение Пушкина
Три рубля с полтиною.

Эксс.

Рис. А Цалюка

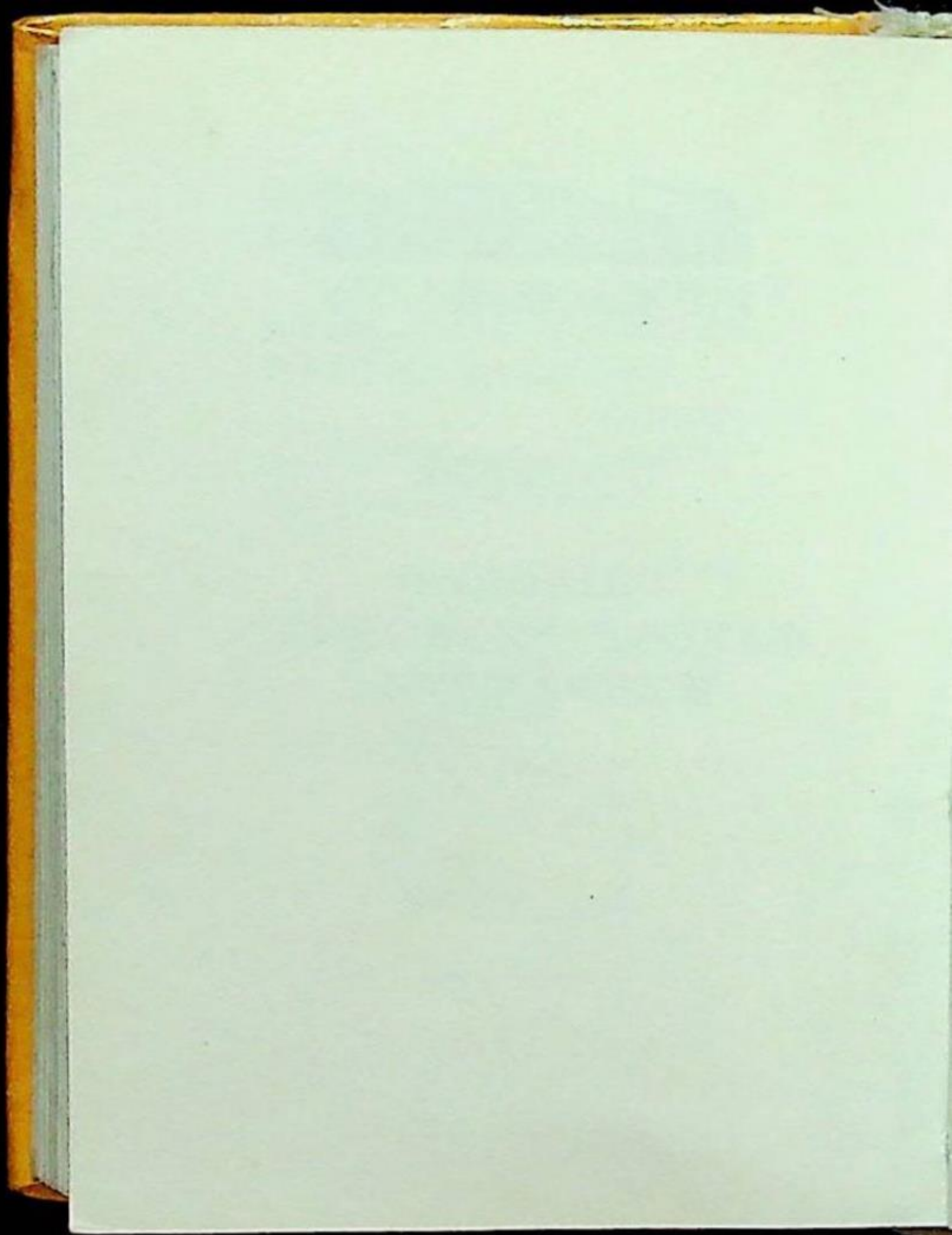
КРОКОДИЛЬ

С. З. ЛУЩИК

**ОДЕССКИЙ
ЖУРНАЛ "КРОКОДИЛ"
И ЕГО АВТОРЫ**

Вниманию читателя предлагаются “избранные страницы” из давно забытого одесского юмористического журнала “Крокодил”, который смешил публику в 1911—1912 годах, на десять лет раньше, чем появился на свет популярный донныне московский “Крокодил”. Да, да — и в этой области приоритет нашего города неоспорим!

Первый номер одесского еженедельного журнала “Крокодил” да-

тирован 2 апреля 1911 года, последний — июнем 1912-го. Всего вышло 63 номера. Тетради большого формата, 36×27 сантиметров, по 10—12 страниц, с броскими многокрасочными обложками и значительным числом иллюстраций в тексте, не уступали по внешнему виду лучшим столичным изданиям. Отдельные номера сохранились в некоторых одесских библиотеках, музеях, частных коллекциях, но единственный в Одессе полный комплект журнала можно увидеть лишь в отделе редких изданий и рукописей научной библиотеки им. М.Горького.

Содержание “Крокодила” достаточно пестро, на все вкусы — от пошлого бытового зубоскальства до острой политической сатиры.

Рядом с обыгрыванием семейных неурядиц находим смелые выпады в адрес реакционных министров. Основное внимание уделяется местным злободневным темам: перебои трамвайного движения и отставка ненавистного градоначальника генерала Толмачева, алкоголизм и низменный репертуар театров, антисемитизм и полеты на аэроплане популярного спортсмена Уточкина, мракобесие в учебных заведениях и особенности "одесского языка", процентная норма в университете и взяточничество городских чиновников... Как созвучны нам сегодня иные из этих "вечных" тем!

Большое разнообразие в жанрах: рассказы и стихи, басни и эпиграммы, сценки и короткие диалоги,

анекдоты, подписи под рисунками, рецензии на спектакли и "кинома-тограф", литературные пародии. Регулярны такие рубрики, как "Почтовый ящик" с ядовитыми ответами безграмотным авторам-графо-манам, "Репейник" с эпиграммами на известных актеров, "Копилка курьезов" со смешными цитатами из неудачных публикаций других газет и журналов, пародийные отчеты о заседаниях местного Литературно-артистического клуба. Значительное место занимает политическая тема: выборы в IV Государственную Думу, газета "Новое время", лидеры правых партий, зарубежная реакция... От номера к номеру политическая линия заметно усиливается и количественно, и по остроте сатиры.

Обилие графического материала: от страничных иллюстраций до мелких зарисовок в тексте, виньеток и заставок. Здесь и добродушно-смешные рисунки на бытовые и городские темы, и злые карикатуры на "отцов города" и общественных деятелей, вплоть до министров, и дружеские шаржи на поэтов, художников, актеров. Не забудем: в те времена карикатура или шарж на кого-либо воспринимались как признак популярности и не вызывали, хотя бы внешне, обиды или раздражения. Особое внимание уделяется оформлению обложек журнала: они всегда эффектны, отпечатаны в несколько красок, выполнены ведущими художниками редакции.

Отметим попутно, что общий уровень политической сатиры в

“Крокодиле”, как литературной, так и графической, в то “проклятое” — как нас учили — царское время был несоизмеримо выше, смелее, умнее, острее, чем в нынешней демократичной прессе...

Кто создал и выпускал журнал? В первых 14 номерах, до июня 1911 года, указывалось: “Издатель — Я.Рогачевский; редактор — пом. прис. пов. М.Н.Джугели”. С номера 15-го появляется: “Редактор — пом. прис. пов. М.Н.Джугели; издатели — Б.Д.Флит и Ф.Б.Сегаль”. А в январе 1912 года, с номера 4-го и до конца существования журнала, — “Редактор Я.С.Балабан; издатели — Б.Д.Флит и Ф.Б.Сегаль”¹.

Однако, ни “херсонский мещанин” Яков Герц-Лейбов Рогачевский, ни помощник присяжного

поверенного Михаил Николаевич Джугели не оставили никаких следов на страницах "Крокодила", равно как и в истории одесской прессы в целом. Достаточно известный журналист и общественный деятель Яков Семенович Балабан, работавший в основном в газете "Одесские новости", появился в списке сотрудников журнала с декабря 1911 года и в январе 1912-го стал его редактором. За все время обнаружена лишь одна незначительная его публикация под псевдонимом Ян. Думается, что Рогачевский финансировал издание, а Джугели и Балабан были подставными лицами, "зиц-председателями". Истинными же руководителями "Крокодила" следует считать Б.Флита и Ф.Сегалю². Их

ведущая роль бросается в глаза с первого же номера.

Борис Флит — популярный в ту пору фельетонист “Одесских новостей”, печатавшийся там обычно под псевдонимом Незнакомец. Этот псевдоним он перенес и в “Крокодил”. В каждой тетради журнала, от первой до последней, несколько его публикаций: одна основная (рассказ, пьеса) с подписью Незнакомец или Б.Флит и несколько мелких под разными, легко разгадываемыми сокращениями типа Нез, Нез-ц, Н-ц, Б.Ф., Борис Ф. и др.

Так же обильно, по несколько в каждом номере, встречаются юмористические рисунки, карикатуры и шаржи, обложки и виньетки художника Федора Сегалю.

Подписи Флита или Сегалья стоят часто и под редакционной рубрикой "Почтовый ящик". И удостоверение одного из сотрудников журнала (см.ил.) подписано Ф.Сегалем как редактором. А через пять лет, вскоре после февральской революции 1917 года, оба они — Флит и Сегаль — снова вместе активно работают в новом "журнале революционной сатиры" под названием "Бомба", причем Ф.Сегаль выбирает себе псевдоним Ф.Крокодилов³ в знак преемственности с прежним популярным изданием.

Список "Состав сотрудников" содержит в первом номере "Крокодила" 24 фамилии. Среди них несколько маститых местных журналистов и ряд неизвестных фами-

лий и псевдонимов. Многие из них — “мертвые души”, не поместившие ни одного материала, иные же ограничились одной-двумя, редко тремя публикациями. Мелкие заметки и зарисовки шли зачастую вообще без подписи, либо под криптонимами, не поддающимися расшифровке, типа “К.”, “И.М.” и т.п. Из всех 24 фамилий первоначального “Состава...” лишь два автора, кроме упомянутых выше Флинта и Сегалю, активно участвуют в работе — карикатуристы Мад и Цалюк. Со временем список сотрудников постепенно обновляется и “молодеет”, балласт исчезает, в журнале закрепляется ряд новых ярких авторов из молодежи, преимущественно студенческой. К концу 1911 года складывается пост-

оянный актив поэтов, прозаиков, художников, которые систематически печатаются и определяют лицо "Крокодила". Вот их имена или псевдонимы:

литераторы — Ефим Зозуля, Карл Карлов, Эмиль Кроткий, Незнакомец или Борис Флит, Picadog, Николай Топуз, Эскесс;

художники — Борис Антоновский, Mad, Лазарь Митницкий, Всеволод Никулин, Федор Сегаль, Сандро Фазини, Александр Цалюк.

Нередки публикации в "Крокодиле" иногородних журналистов — петербургских, московских, киевских. В их числе сотрудники популярного в те годы столичного "Сатирикона". Особенно много материалов дают Евг. Венский, Доль, О.Л.Д'ор, Вас.Князев, московский

поэт-сатирик П. Бунаков, изредка — Н. Агнивцев, Тэффи, Арк. Бухов.

Наш журнал постепенно получает известность за пределами Одессы. Рубрика "Почтовый ящик" регулярно откликается на письма читателей из множества городов. Воронеж, Москва, Лодзь, Могилев, Тамбов, Ростов н/Д, Мюнхен, Нахичевань, Таганрог, Николаев, Варшава, Херсон, Ковно, Кременчуг, Севастополь, Вильна, Елисаветград... — куда только не попадали номера журналов, где только его не читали! В сентябре 1911 года рецензия на "Крокодил" появляется в столичном рафинированном "Аполлоне", в ноябре открывается отделение конторы и редакции в Петербурге⁴. Не раз печатаются в "Крокодиле" редакцион-

ные жалобы на плагиат, заимствование опубликованных материалов некоторыми московскими и петербургскими изданиями, в их числе "Будильником", "Сатириконом".

И власти не обходят журнал вниманием: "[...] оштрафован г. Од. Градоначальником на 300 р. за рисунок с надписью "Народная елка"⁵.

По архивным данным тиражи "Крокодила" составляли: 6000 экземпляров в 1911 году, 4000 в 1912⁶.

В библиотечном полном комплекте "Крокодила", а также в домашнем архиве Эскесса, одного из его авторов, сохранились, по счастливой случайности, два идентичных экземпляра оригинального

буклета, веселого приглашения на новогодний праздник — “Бал “Крокодила”. Этот бал был организован редакцией журнала 7 января 1912 года в здании Сибиряковского театра (ныне Украинский театр им. В.С.Василько). В буклете — юмористические тексты программы праздника, карикатуры художников Фазини и Никулина. В январских номерах журнала находим ряд юмористических отчетов и зарисовок, посвященных прошедшему балу, в том числе куплеты Н.Топуза — “Дружеские посвящения” сотрудникам “Крокодила”, героями которых стали самые активные из авторов: Сегаль и Кроткий, Фазини и Митницкий, сам Топуз, Антоновский и Цалюк, Незнакомец и Никулин.

Первая половина 1912 года — время расцвета журнала. Вокруг издателей сплотился актив свежих сил, полных юношеского задора. Художники здесь — не иллюстраторы текста, но полноправные соавторы, выступающие наравне с поэтами и прозаиками, а может быть, даже лидирующие. Возраст большинства — от 20 до 22 лет, среди них студенты университета, художественного училища. Даже не верится, что эта молодежная компания оказалась способной поднять такое эффектное издание. Объявляются конкурсы с денежными призами. Выпускаются “специальные” тематические номера, например, “Экзамены” (№ 21, май 1912). Много острейшей политической сатиры. Много рекламных объяв-

лений разных фирм — верный признак популярности журнала.

И вдруг, в начале июня 1912 года, на 24 номере, “Крокодил” прекращает свое существование! Прекращает внезапно, никаких уведомлений о ликвидации опубликовано не было ни в самом журнале, ни в местных газетах. Более того, в последнем номере, как ни в чем ни бывало, продолжаютя текущие объявления о подписке, о проведении очередного конкурса, о предстоящем выходе “специального” номера. Газета “Одесские новости” помещает 6 и 7 июня рекламу о выходе в свет 24-й тетради журнала и тоже информирует о продолжении подписки и о дальнейшем содержании. Ничто не предвещает конца...

Лет 25 тому назад были еще живы некоторые из сотрудников "Крокодила", ни один из них не смог вспомнить причин и обстоятельств гибели журнала. Было высказано предположение, что издание прикрыли власти за чрезмерную политическую сатиру⁷. Архивные документы, обнаруженные позднее, опровергли эту гипотезу. Скорее всего, к самоликвидации журнала привели финансовые трудности. Спустя три недели после остановки издания, 26 июня, появились уведомления градоначальника, что "редактором [...] журнала "Крокодил", кроме Якова Семенова Балабана будет впредь и Мойше Лейбов Гусак"⁸. Никаких сведений о таком разыскать не удалось — может быть,

он предполагался на роль нового "спонсора"? Но это не помогло... "Отчет о деятельности за 1912 год" Временного комитета по делам печати констатирует⁹ без указания причин, что "Крокодил" прекратился в июне и что его заменил еженедельный журнал "Южная неделя"¹⁰. Очевидно, издатели "Крокодила" переуступили свои права на издание.

Сегодня, спустя 80 с лишним лет, юмор "Крокодила" нас не всегда смешит. Иное время, иной менталитет, иные заботы... Многие фельетоны и карикатуры кажутся наивными или пошлыми. Мы не видели пустых театральных постановок, которые высмеивались в рецензиях, не знаем тех актеров, на которых рисовали шаржи. В политической сатире нас

не волнуют ни Пуришкевич, ни скандалы в Государственной Думе (хотя, впрочем, аналогия с современным подобным учреждением напрашивается сама собой). Многие шутки "Крокодила" прочно вошли в одесский фольклор и знакомы нам в виде популярных анекдотов. Мы далеки от мысли поставить знак равенства между старым одесским "Крокодилом" и нынешним знаменитым московским журналом, но преемственность между ними безусловна. Недаром многие из одесских крокодилыцев успешно работали в редакции его московского тезки... Можно с уверенностью сказать, что издание "Крокодила" в Одессе в 1911—1912 годах стало незаурядным явлением в истории журналистики.

Самое ценное в “Крокодиле” — его молодые сотрудники, литераторы и художники, начинавшие здесь свою творческую биографию. В дальнейшем их судьбы сложились по-разному. В родном городе остался лишь один Эскесс, другим суждены были “кому Москва, кому Париж”... Кто-то забыт, и сведения пришлось собирать по крохам, иные же достигли известности и попали в словари и энциклопедии. Проследим пути жизни и творчества основных авторов журнала.

Ведущая фигура — Борис Давыдович ФЛИТ. В архивных документах значится “сыном провизо-

Незнакомец — Борис Флит

ра". Родился в 1883 году, был старше большинства других сотрудников "Крокодила". К моменту создания журнала уже широко известен в Одессе, в основном — за подписью "Незнакомец", всего же зарегистрировано около 20 разных его псевдонимов. Современники отмечали огромную работоспособность и плодовитость Б.Флита, печатался он чуть ли не во всех одесских периодических изданиях на протяжении четверти столетия. Бывал редактором или создателем ряда журналов — "Бомба", "Одесское обозрение театров", "Огоньки"... Снабжал эстрадные театры пьесами легкого жанра, текстами обзоров, оперетт, миниатюр, иногда выпускал их отдельными брошюрами. В 20-х го-

дах сменил постоянный псевдоним на Д.Маллори, ставший таким же популярным, как ранее Незнакомец. За пределами Одессы его публиковали "Новый Сатирикон" в Петрограде, журналы Киева и Харькова, московский "Крокодил". В середине 20-х годов перебрался в Москву, напечатал здесь несколько сборников рассказов. Исчез в годы "большого террора".

Второй соиздатель нашего журнала — карикатурист Федор Бернгардович СЕГАЛЬ. Родился в 1890 году¹¹ в семье известного местного педагога, "надворного советника", заведующего Первым двухклассным еврейским начальным училищем. В дни зарождения "Кроко-

дила" ему не было еще и 21 года. Шуточные новогодние куплеты называют его "полухудожник и полуюрист"¹², что наталкивает на мысль — не был ли он студентом юридического факультета. Но в архивных делах университета упоминаний о нем не обнаружено, равно как и в списках учащихся художественного училища. Многие рисунки Сегалю подписаны инициалами *Ф.С.* или монограммой из этих же букв. Ему же, видимо, принадлежала подпись "Рис. Бернгардова". Шаржи и карикатуры художника встречались во многих одесских газетах и журналах, показывались на выставках. В мае-июне 1914 года "Одесский листок" поместил серию больших "подвалов" — репортажей *Ф.Сегалю*

Федор Сегаль

со всемирной выставки печатного дела в Лейпциге с примечанием: “от нашего специального корреспондента”. Известна почтовая открытка, изданная в Одессе в 1917 году, с подписью “Ө.Крокодилов”¹³ (тот же псевдоним, что и в журнале “Бомба”). После 1918 года ни одной публикации Ф.Сегалья не обнаружено — возможно, эмигрировал.

На ряде рисунков “Крокодила” стоит странная подпись: “Н.Нервный”, иногда — монограмма из букв Н.Н. Среди художников Одессы такой неизвестен, в прочей периодике не встретился ни разу. Сама фамилия — Нервный — наталкивает на мысль, что перед нами псевдоним, но в словаре Масанова такой не значится. Может быть, под

этой подписью спрятался кто-то из постоянных художников журнала? В воспроизведенном в нашей книжке шарже на забытого историей присяжного поверенного Сосина с надписью "Рис. Н.Нервного" справа внизу под рисунком явственно видна маленькая, хорошо известная монограмма Ф.Сегаля¹⁴. Вот ключ к разгадке! Еще один псевдоним Ф.Сегаля можно внести в реестр дополнений к "Словарю псевдонимов".

Художник Борис Иванович¹⁵ АНТОНОВСКИЙ (1891—1934) дебютировал в "Крокодиле" в мае 1911 года, еще гимназистом. Осенью того же года поступил на юридический факультет Новороссийского университета. Наряду с рабо-

тами Ф.Сегалю, его рисунки и обложки находим почти в каждом номере. Много внимания уделял политической сатире, по нашему впечатлению, — самой острой в журнале. Удалось раскрыть два ранее неизвестных псевдонима художника — Анто и Мистер. После прекращения "Крокодила" Антоновский перешел в журнал "Южная неделя", сотрудничал в ряде газет. По окончании университета¹⁶ в 1916 году покинул Одессу, но продолжал присылать рисунки в родной город (например, для журнала "Бомба", 1918). С октября 1916 года стал постоянным автором знаменитого петроградского "Нового Сатирикона", затем работал во многих ленинградских журналах ("Бегемот",

Борис Антоновский

“Смехач”), публикации его появлялись и в московском “Крокодиле”. Прославился дружескими шаржами чуть ли не на всех отечественных писателей, художников, актеров. В 1930 году вышел из печати альбом его работ. Характерно высказывание известного художника И. Бродского: “Антоновский — это Паганини от карикатуры”¹⁷. И другая оценка его творчества, уже послевоенного времени: “один из основоположников советской карикатуры”¹⁸.

Имя прозаика Ефима Давыдовича ЗОЗУЛИ (1891—1941) вошло во все литературные энциклопедии и справочники. Публикации в “Крокодиле” — начало его творческо-

Ефим Зозуля

261

го пути. Появился на страницах журнала позднее других, в октябре 1911 года. Его короткие, иногда совсем крохотные рассказы лишены легковесного зубоскальства, это уже настоящая литература. Рецензии, "Почтовый ящик" и прочие мелочи зачастую подписывал псевдонимами Зо-ля, З-ля, Zozula, неучтенными в свое время в словаре И.Масанова. Далее находим произведения писателя в "Южной неделе" (здесь входит в оборот еще один его псевдоним Ал.Львовский), в "Молодом журнале", в ряде газет. В 1914 году Зозуля уехал в Петроград, был одно время секретарем "Нового Сатирикона", а после революции перебрался в Москву¹⁹. Погиб на фронте.

Под псевдонимом КАРЛОВ, затем Карл Карлов печатал рассказы и миниатюрные "сказочки" Кирилл Яковлевич Левин (1892—1980). Начал публиковаться в "Крокодиле" в июне 1911, с декабря включен в периодически печатавшийся список "состав сотрудников". В других одесских изданиях практически не участвовал. Остался неизвестен Словарю псевдонимов. С началом Первой мировой войны попал на фронт, несколько лет провел в плену, по возвращении обосновался в Москве. Работал секретарем журнала "Прожектор", опубликовал ряд повестей и романов на темы пережитого ("Записки из плена", "Русские солдаты" и др.). Осенью 1978 года удалось побывать у него в гостях —

у “последнего из могикан” одесского “Крокодила”. Было ему тогда 86 лет! На стенах квартиры в знаменитом писательском доме в Лаврушинском переулке — фотографии хозяина вместе с ближайшим другом Ефимом Зозулей, а в шкафах — его же книги с дарственными надписями. Рассказывал о собратях по “Крокодилу”, вспомнил, как многие годы хранил вывезенный из Одессы комплект журнала, пока незадолго до Отечественной войны не взял его посмотреть Е. Зозуля. Началась война, было не до журналов, вскоре Зозуля погиб в ополчении, комплект исчез... Единственной памятью о литературной юности в Одессе оставалась у Кирилла Яковлевича групповая фотография соратников, ана-

Карл Карлов
(Кирилл Левин)

логичная той, что воспроизведена в нашей книжке. После смерти писателя эта фотография вместе со всеми его бумагами перешла в Центральный государственный архив литературы и искусства Москвы.

Из плеяды авторов одесского "Крокодила" самым известным в масштабе страны стал, безусловно, Эмиль КРОТКИЙ. Даже в Краткую литературную энциклопедию он вошел под этим псевдонимом, а не под своим настоящим именем — Эммануил Яковлевич Герман (1892—1963). С самого начала литературной деятельности вел двойную игру: сатиру печатал под псевдонимом Эмиль Кроткий, лирические стихи — под подлинной

Эмиль Кроткий

фамилией Эммануил Герман. За каждой из этих подписей известно множество публикаций в газетах и журналах, а также отдельных книг. В "Крокодиле" Эмиль Кроткий возник впервые в мае 1911, в возрасте 18 с половиной лет. Параллельно значился в составе редакции газеты "Южная мысль". Одесский критик писал в 1913 году: "Каждое стихотворение Э.Германа является совершеннейшим созданием версификаторского искусства [...] как сатирик Э.Герман — очень крупная величина [...] создал оригинальный жанр стихотворного фельетона и в этом отношении не имеет соперников"²⁰. В том же году Э.Я.Герману был присужден "одобрительный отзыв" на Конкурсе русской лирики име-

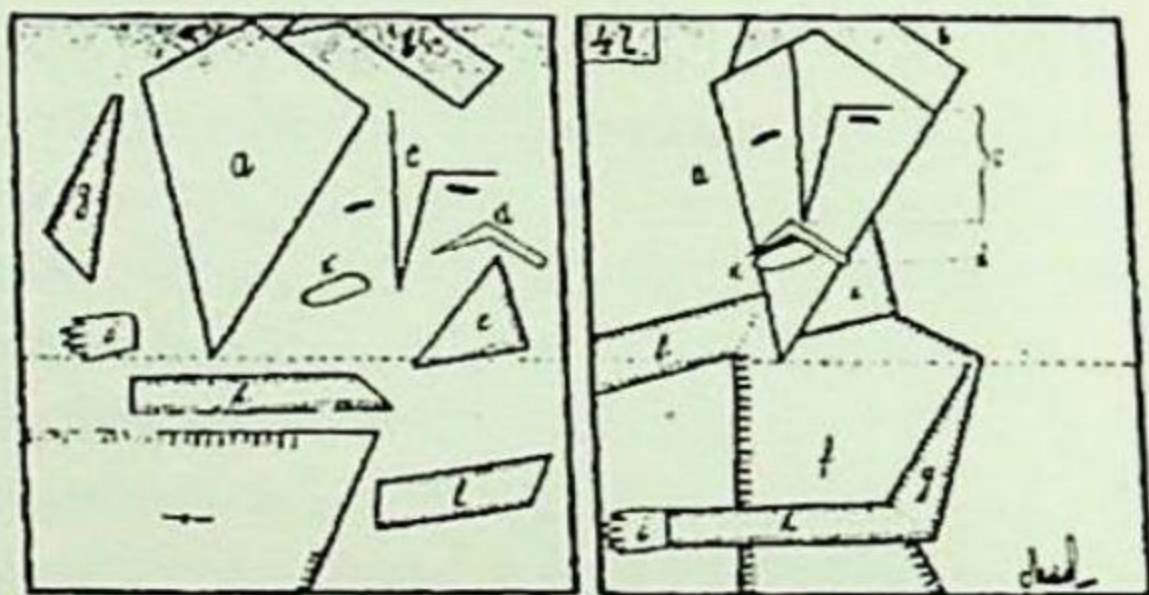
ни С.Я.Надсона в Москве²¹. В 1916 году публикации Э.Кроткого, помимо разных одесских изданий, появились в столичном "Новом Сатириконе". Он перебрался в Петроград, стал печататься в газете М.Горького "Новая жизнь". "Какой же он Кроткий? Он очень зубастый и дерзкий, — любовно говорил о нем Горький в 1917 году", — вспоминал позднее К.Чуковский²². Осенью 1918-го поэт ненадолго вернулся в Одессу²³, затем остановка — года на два — в Харькове, затем Москва. Начиная с 1930 года и до конца дней — тесная дружба с московским "Крокодилом".

Крайне мало конкретной информации удалось собрать о талантливом карикатуристе с псевдонимом MAD. Он значится в списке сотрудников "Крокодила" с первого же номера, в одной тетради журнала можно насчитать до девяти его рисунков. Варианты подписей — Mad, MAD, М.Д. — все они неизвестны Словарю псевдонимов. Самые ранние из обнаруженных его работ — в журнальчике "Сколопендра" (ноябрь 1908) — подписаны М.Д. или Мих. Д., а в перечне сотрудников он упомянут, как М.Дризо. Позднее его карикатуры на политические темы и шаржи: на писателей, актеров встречаем во многих одесских газетах и журналах вплоть до 1919 года. В сентябре 1918-го журнал

“Жизнь” поместил в № 16 рекламу: “Вышла новая книга. Сборник карикатур МАД “Так было”. (Март 1917 — Март 1918)”, но ни одного экземпляра ее в одесских библиотеках не обнаружено. По рассказам покойного историка, профессора С.Я. Борового (1903—1989), под псевдонимом Mad скрывался студент-юрист, художник-самоучка Михаил Александрович Дризо, сын известного врача Александра Акимовича Дризо. Эмигрировал, жил в Париже, пережил войну. Вспоминает о Mad и поэт-эмигрант А.А. Биск (1883—1973), числившийся сотрудником “Крокодила”, но напечатавший там всего одно стихотворение: “Должен еще упомянуть о моем любимце, творце карикатур Маде. Тексты его были,

пожалуй, еще лучше, чем сами карикатуры [...] В эмиграции Mad помещал свои рисунки в "Посл. нов."²⁴. Известна изданная в Берлине книга Саши Черного с иллюстрациями Mad²⁵.

Обращаем внимание читателей на один из рисунков Mad — "Новое искусство. Заключительный аккорд. Портрет организатора "Салона" в разобранном и собран-

ном виде"²⁶. Это шарж на скульптора В.А.Издебского (1882—1965), устроившего в Одессе и в других городах две грандиозные всемирно известные выставки под названием "Салоны Издебского". Судя по фотографиям того времени, в лаконичном шарже сохранено заметное сходство с оригиналом.

Ученик архитектурного отделения Одесского художественного училища Лазарь Давыдович МИТНИЦКИЙ (1891—1972) дебютировал в 1911 году в 3-м номере журнала, регулярно помещал юмористические рисунки и шаржи, иногда до пяти в одном выпуске, оформил многие обложки, изредка

печатал небольшие рассказы и "мелочи". Некоторые из них подписаны его инициалами: Л.М. Сотрудничал во многих одесских периодических изданиях ("Южная мысль", "Бомба", "Театр"). В начале 1920-х навсегда уехал в Москву, около полувека проработал там в новом "Крокодиле". В 1971 году удалось разыскать его адрес, наладить переписку. Он успел много рассказать о "Крокодилах" — одесском и московском: что с московским журналом связан "со дня его рождения" и что "целиком отдал себя перу, а рисовать перестал; лишь в отдельных редких случаях иллюстрирую свои юморески"²⁷. В серии "Библиотека "Крокодила" в 1960-х годах вышли две книжки его рассказов.

Лазарь Митницкий

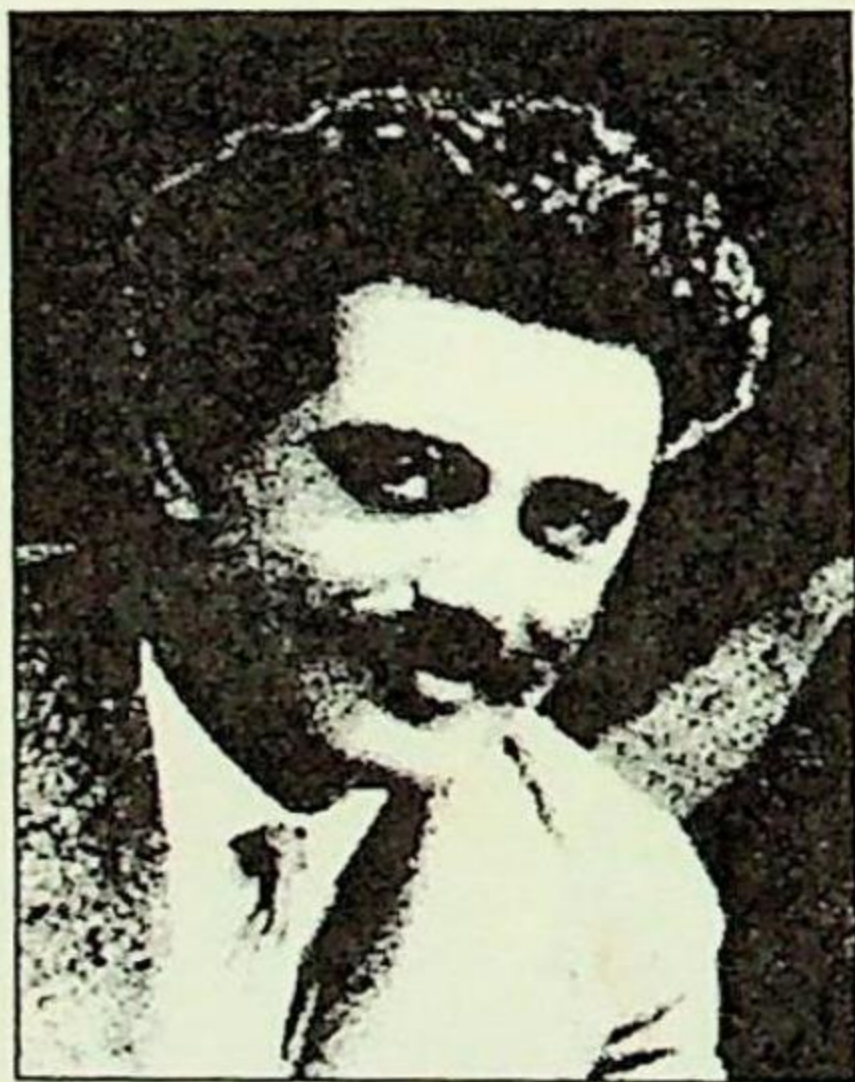
Еще один ученик Одесского художественного училища среди иллюстраторов "Крокодила" — Всеволод Петрович НИКУЛИН (1890—19??). Печатался в журнале с мая 1911-го. В некоторых номерах до четырех его рисунков, вариации подписей: Никулин Всеволод, Всеволод Н., В.Ник., В.Н. Одна из подписей — Никулин Всеволод Корениха Б. — требует особого пояснения: будущий художник приехал в Одессу из села Большая Корениха (под Николаевом), где отец его был священником²⁸. Участвовал в ряде одесских выставок, как рисунками, так и живописью, начиная с 1911 года. Училище закончил в 1916 году, поступил в Академию художеств в Петрограде. В 1916—1919 годах в

Одессе издано несколько книг с его обложками. Сотрудничал в журнале "Бомба". Каталоги выставок 1917—1919 годов указывают его домашний адрес в Николаеве. Эмигрировал, жил в Италии, выступался. Последнее известное нам упоминание его имени в иностранных источниках относится к 1933 году²⁹.

Очень мало сведений можно предложить об авторе сатирических куплетов с подписью RICA-DOR. Словарь И. Масанова раскрывает псевдоним: "Круковский Виктор Владимирович, член МОДП" (Московское общество драматических писателей и композиторов)³⁰. В "Крокодиле" — с сен-

тября 1911, а в 1912-м печатался почти в каждом номере, по несколько стихотворений, четверостиший, шаржей и других мелочей. Коллеги по журналу запомнили его как Пикадора, но не знали или забыли подлинную фамилию: “Круковского не помню, а псевдоним “Пикадор” из памяти не ушел”³¹. Достаточно нелицеприятную характеристику дал ему критик в 1913 году: “Г. Пикадора я знаю лишь по фельетонам, которые, конечно, мало общего имеют с поэзией. Но писать о нем хочется: служба у ежедневной прессы, он обнаруживает хороший вкус, версификаторские способности, нередко доходящие до виртуозности [...]”³². Еще одна встреча с Пикадором — на афише Вечера

Пикадор
(Виктор Круковский)

поэтов, состоявшегося в Хаджибейском парке 15 июня 1914 года: “Виктор Круковский (Пикадор)” выступает в разделе “Сатира и юмор” с экспромтами “на неполитические темы из публики”³³. Затем Пикадор исчез из нашего поля зрения, судя по приведенной выше информации Словаря псевдонимов, жил в Москве.

Одним из самых плодовитых авторов был в “Крокодиле” Николай (Наум) Исаевич ТОПУЗ (1888—19??). Его юмористические стихи, сатирические куплеты, пародии печатались почти в каждом номере, по несколько штук, за полной подписью и под многочисленными сокращениями типа

Николай Топуз

Н.Т-узъ, Туз, Тузини, -зини и т.п. — выявлено свыше 30 таких разновидностей. Впервые напечатался в журнале в апреле 1911, в 5-м номере. Словарь И.Масанова называет Топуза секретарем редакции "Крокодила"³⁴. Помимо публикаций в прессе, Н.Топуз выступал как автор текстов комедий, оперетт, обзоров, песен для многочисленных одесских эстрадных театров. Названия говорят сами за себя: "В тиши гарема", "Двоюродный муж", "Награда за рога"...Иные из них писались в соавторстве с Незнакомцем-Флитом и другими, издавались и продавались отдельными брошюрами вместе с нотами. В 1920-х годах Н.Топуз жил, видимо, в Харькове, его публикации появлялись в Харьковских юмо-

ристических журналах. А затем, как писал нам Л. Митницкий в 1971 году: "Покойный Н. Топуз оставил память о себе в Москве, в театре оперетты"³⁵.

Заметное место в одесской культурной жизни занимал художник Сандро (или Александр) ФАЗИНИ. Под таким романтическим псевдонимом известен Александр Арнольдович (Сруль Ариев)³⁶ Файнзильберг (1892—194?), старший брат писателя Ильи Ильфа. Начиная с мая 1911, его рисунки, виньетки, иногда обложки присутствуют почти в каждом номере "Крокодила", до 10 работ одновременно, под разными подписями: Фазини, С. Фазини, А. Ф., S. Fasini,

S.F., под монограммой из букв А и Ф. В эти годы он был учеником Одесского художественного училища, которое закончил в 1916 году. Иллюстрировал знаменитые ныне альманахи 1915—1917 годов с участием Э.Багрицкого, А.Фиолетова и других молодых поэтов (“Авто в облаках”, “Седьмое покрывало”, “Чудо в пустыне”). Участвовал в ряде выставок Общества независимых художников 1917—1919 годов, газетные рецензии называли его “кубистом”. Писал декорации к новаторским спектаклям, расписывал интерьеры (“Театр интермедий”, 1918; подвал “Веселая канарейка”, 1919). Изредка сотрудничал в журналах “Фигаро”, “Бомба”, “Яблочко” (1918). С приходом больше-

виков рисовал политические плакаты: “[...] громадный щит-плакат под Матисса работы художника Фазини — два революционных матроса в брюках клеш с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненосцев”³⁷. В начале 1922 года эмигрировал: “Сандро Фазини [...] переехал на жительство в Париж; и до войны бывавший во Франции Валентин Катаев привозил мне от него приветы”³⁸. А после войны из Парижа сообщили: “Художник Фазини погиб в лагере у немцев, кажется, в Аусшвице”³⁹. Думается, жизнь и творчество С.Фазини заслуживают обстоятельного исследования, а то и монографии.

В первом же номере "Крокодила" в числе сотрудников упомянут художник Александр Давыдович ЦАЛЮК. В журналах множество его рисунков и обложек. Разнообразны варианты подписей: А.Цалюк, Александр Цалюк, Саша Ц., Сашъ, А.Ц. (словарь И.Масанова учел лишь один из псевдонимов, Саша Ц.). Известно, что он закончил весной 1910 года живописное отделение Одесского художественного училища⁴⁰, но в документах училища в ГАОО не удалось разыскать его личное дело. Каталоги выставок Товарищества южнорусских художников в Одессе свидетельствуют об участии А.Цалюка в ряде выставок, начиная с 1908 и до 1912 года. Рецензент писал: "Из молодых и

Александр Цалюк

подающих надежды художников, отмечаю [...] Цалюка (гуаши)”⁴¹. В сентябре 1916 газета “Южная мысль” сообщила: “Близкими друзьями получены письма от художника А.Цалюка, находящегося в настоящее время на французском фронте. А.Цалюк помещал в “Южной мысли” рисунки и шаржи за подписью “Саша Ц.” А.Цалюк находится на французском фронте с начала военных действий. Он участвовал в боях под Верденом”⁴². Дальнейшая судьба художника нам неизвестна — погиб ли в боях, остался ли в эмиграции? Одесские журналы 1916—1919 годов продолжали изредка помещать рисунки с подписью Цалюка: повторно использовались оставшиеся в типографии старые клише.

К примеру, журнал "Бомба" в 1918 году перепечатал в № 32 карикатуру А.Цалюка из № 14 "Крокодила" за 1912 год, только с другой, осовремененной подтекстовкой. В то смутное время такое наблюдалось не раз и с другими авторами.

ЭСКЕСС — псевдоним Семена Иосифовича (Осиповича) Кесельмана (1889—1940). Псевдоним сформирован из первой буквы имени "Эс" и начала фамилии "Кес"⁴³. Эскесс заявил о себе в "Крокодиле" позднее всех, лишь в декабре 1911 года, но сразу же активно включился в работу, в течение 1912 печатался почти в каждом номере: юмористические

стихи, четверостишия к карикатурам, рубрики "Почтовый ящик" и "Репейник", даже один рисунок. Использовал в качестве подписи также сокращения типа Э-сь, Э., С.К., не учтенные словарем И.Масанова. Был студентом юридического факультета университета с 1909 года, закончил в 1914. Начал журналистскую деятельность с 1911 года в копеечной газетке "Одесское слово" — без гонорара, лишь с правом бесплатного посещения всех театров в качестве рецензента. После прекращения "Крокодила" отошел от постоянной работы в прессе, время от времени публиковал лирические стихи — сначала в газете "Южная мысль", а с 1913 года в "Одесских новостях". К этому времени С.Ке-

Эскесс
(Семен Кесельман)

сельман сформировался как незаурядный поэт, пользовался любовью публики и вниманием критики. В 1914 году находим его стихотворения в местных альманахах "Шелковые фонари" и "Солнечный путь", в 1916 — в петроградском "Новом Сатириконе". Вот как отзывался о нем один из его современников, поэт Александр Биск: "Не все молодые писатели вышли на большую дорогу. Очевидно, кроме таланта, нужно и счастье, и ловкость, и умение показать себя. Что стало, напр[имер], с Семеном Кесельманом. Очень талантливый молодым поэтом, которого я лично ставил выше всех остальных. Он прекрасно умел передать чувство одиночества в большом городе. Его образы бывали

Интерес к творчеству С.Кесельмана неожиданно возник заново в наши дни — после опубликования книги В.Катаева “Алмазный мой венец”, где Эскессу посвящено несколько страниц. Пользуясь случаем, обратим внимание на досадную оплошность автора: Эскесс не погиб в фашистском концлагере⁴⁵, он умер дома после тяжелой сердечной болезни⁴⁶.

Просим прощения у читателей, что так много внимания уделено С.Кесельману, больше, чем любому другому из сотрудников “Крокодила”. Дело в том, что после смерти поэта остался небольшой домашний архив, сохраненный его вдовой, Милицей Степановной Зарковой (1896—1981), несмотря на все трудности военного вре-

мени. К середине 1960-х годов Милица Степановна передала все бумаги автору настоящей статьи.

Среди рукописей, рисунков, публикаций, документов, фотографий самого Кесельмана обнаружались материалы, относящиеся к "Крокодилу": несколько номеров журнала, отдельные вырезки, рекламный многокрасочный плакат (размеры не позволили, к сожалению, воспроизвести его в этой книге), журналистское удостоверение Эскесса, оригиналы рисунков Фазини, рукопись Пикадора "Ода Слава юному Эскессу". А главное, нашлась фотография (репродуцирована на форзаце): группа из одиннадцати неизвестных нам в ту пору молодых людей, расписавшихся на обороте паспарту.

РЕДАКЦИЯ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО
ЮМОРИСТИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА

„КРОКОДИЛЬ“

ОДЕССА.

Эскесса-Кесельман

состоитъ постояннымъ
сотрудникомъ журнала
„Крокодилъ“.

Редакторъ

Издатель

Эскесса-Кесельман

Журналистское удостоверение
Эскесса-Кесельмана

Среди них вдова поэта знала лишь своего мужа, а из автографов на обороте оказались на слуху только две фамилии — “Зозуля” и “Б. Антоновский”. Материалы из архива С. Кесельмана послужили первым толчком к многолетнему поиску, конечным результатом которого и является настоящая работа.

Упомянутая фотография была показана многим старожилам Одессы, а копии разосланы в другие города ряду бывших одесских литераторов. Поначалу никто никого не узнавал. Вадим Долинов⁴⁷ порекомендовал обратиться к Э. Соминскому⁴⁸, представителю предыдущего литературного поколения, и дал его московский адрес. Э. Соминский легко опознал своего со-

автора по "Одесскому обозрению театров" Б.Флита и еще троих: С.Кесельмана, Н.Топуза и Е.Зозулю.

Другой бывший одессит, Борис Бобович⁴⁹, который пятнадцатилетним мальчиком напечатал в "Крокодиле" несколько мелких заметок, добавил к списку В.Круковского-Пикадора, Б.Антоновского, Эмиля Кроткого и, главное, Л.Митницкого, советуя разыскать его в Москве: "теперь он пенсионер, немало лет он проработал фельетонистом в московском "Крокодиле"⁵⁰. Был послан запрос в редакцию "Крокодила", его передали самому Митницкому, пришло удивленное письмо от него, затем последовала оживленная переписка со множеством интереснейших подробностей.

Узнав почти всех (но все же не всех!), Л. Митницкий впервые раскрыл загадочный псевдоним "Карлов". Оказалось, им пользовался в далекой одесской юности известный ныне московский прозаик Кирилл Левин. Состоялся телефонный разговор с ним, и хотя наш вопрос о "Крокодиле" 60-летней давности был совершенно неожиданным, Кирилл Яковлевич мгновенно вспомнил и о фотографии, и обо всех, кто на ней зафиксирован. Закрылись последние "белые пятна" на снимке. Позднее удалось встретиться с К. Левиным у него дома, поговорить подробнее о журнале и его авторах, увидеть второй сохранившийся экземпляр фотографии. Но ни К. Левин, ни Л. Митницкий, запечатленные на фото, не

смогли вспомнить, при каких обстоятельствах, по какому поводу собирались они в фотоателье в мае 1912-го, зачем расписывались на обороте. Быть может, готовились к предстоящему прекращению журнала?..

Исчерпав свидетельства современников, а их с каждым годом оставалось все меньше, пришлось обратиться к фондам Областного архива, библиотекам, подшивкам газет и журналов того времени. Здесь были любопытные находки, "биография" одесского "Крокодила" обростала именами и фактами...

Представляем итоги поиска на суд читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Соответствующая переписка, прошения издателей и разрешения градоначальника на выпуск "Крокодила", на смену издателей, редакторов и типографий сохранились в Государственном архиве Одесской области (далее ГАОО) в фондах:

Канцелярии Одесского градоначальника - Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 3447-а. Лл. 62-66, 245-247, 515-523;

Временного комитета по делам печати - Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7. Лл. 97-100; Ед. хр. 60. Лл. 11, 12, 20; Ед. хр. 106. Лл. 7, 25, 28;

Старшего инспектора по надзору за заведениями печати - Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 312. Лл. 51, 96.

В некоторых документах издателями называются три человека: кроме Б.Д.Флита и Ф.Б.Сегалю, еще и неизвестный нам "херсонский мещанин" Макс Гершович Закс, хотя в выходных данных "Крокодила"

эта фамилия никогда не упоминается. Возможно, он финансировал издание.

Пользуясь случаем, выражаем благодарность исследователю одесского издательского дела М.Р.Бельскому за любезные указания на ряд архивных документов по нашей теме.

2 Это же утверждали и два бывших сотрудника журнала: в письме Л.Д.Митницкого автору статьи от 5.07.1971, есть такие слова - "одесский "Крокодил" Б.Флита"; К.Я.Левин рассказывал при нашей встрече в 1978 г. - "Главные издатели "Крокодила" - Б.Флит и Ф.Сегаль, Флит использовал свои связи и положение второго фельетониста в газете "Одесские новости", Флит был старше Сегалья по возрасту".

3 Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. - Т. 3. - М., 1958. - С. 384; Т. 4. - М., 1960. - С. 426.

4 "Отделение" просуществовало в Петербурге, видимо, недолго: объявления о нем имеются лишь в двух номерах журнала - 35 и 36.

5 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 12. Карикатура была опубликована в № 39 журнала в декабре 1911 г.

6 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 20, об.; Ед. хр. 106. Л. 28, об.

7 Лущик С. Одесский "Крокодил" // Альманах библиофила. — Вып. 10. - М., 1981. - С. 254; Лущик С. "Крокодил" до "Крокодила" // Вечерняя Одесса. - 1982. - 4 сент.

8 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 100.

9 ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 106. Лл. 7, об. и 25.

В указанном "Отчете" тщательно перечисляются всякие наложенные на те или иные издания наказания и штрафы, но "Крокодил" среди проштрафившихся не фигурирует.

10 Первый номер журнала "Южная неделя" датирован ноябрем 1912, всего вышло семь номеров, последний в январе 1913. В журнале принимали участие некоторые из бывших сотрудников "Крокодила", активнее всех Б. Антоновский и

Е.Зозуля, но характер и направление нового журнала были совершенно иными, никакой преемственности с "Крокодилом" не усматривается.

11 ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Ед. хр. 3831.
- Формулярный список отца художника, Б.Л.Сегаля.

12 [Топуз Н.] Дружеские посвящения сотрудникам "Крокодила" // Крокодил. - 1912. - № 3, янв. - С. 6.

13 Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. - М., 1983. - С. 105, репрод.

14 Еще один аналогичный рисунок с двумя подписями см.: Крокодил. - 1912. - № 13, март. - С. 8.

15 В период работы в "Крокодиле" Антоновский значился Борисом Порфирьевичем, лишь в 1916 г. по "Высочайшему указу об изменении отчества" стал Ивановичем, под этим отчеством вошел во все словари - см. личное дело студента университета Б.Антоновского (ГАОО. Ф. 42. Оп. 36. Ед. хр. 37. Л. 14).

16 В библиографическом словаре "Художники народов СССР" (Т. 1. - М., 1970. - С. 173) дана ошибочная дата окончания университета: 1914 вместо 1916. - См.: личное дело студента университета Б. Антоновского (ГАОО. Ф. 42. Оп. 36. Ед. хр. 37. Л. 18).

17 Цит. по: Павлов Г., Радищев Л. Смеется Антоновский. - Л., 1963. - С. 47.

18 Художники народов СССР. - Т. 1. - М., 1970. - С. 173.

19 Читателей, желающих ближе познакомиться с творчеством Е. Зозули, отсылаем к его трехтомному "Собранию сочинений" (М., 1927-1928), сборнику "Е. Зозуля: Статьи и материалы" (Л., 1928), биографии в Краткой литературной энциклопедии (Т. 2. - М., 1964. - С. 1032).

20 Цагарели Г. Литературные заметки о четырнадцати // Молодой журнал. - Одесса, 1913. - № 1, янв. - С. 48.

Книга уничтожена по решению властей. Единственный в Одессе экземпляр сохранился в архивном деле Временного

комитета по делам печати (ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 150).

21 Конкурс русской лирики имени С.Я.Надсона // Одесский листок. - 1913. - 9 апр. - С. 4.

22 Цитата из предисловия К.Чуковского к книге Э.Кроткого. Цит. по: Поляновский М. ...И все былое // Литературная Россия. - М., 1968. - № 6, 2 февр. - С. 18.

23 Театральный день. - Одесса, 1918. - № 141, 3(16) окт. - С. 8. - "Хроника".

Мы остановились более подробно на деятельности Э.Кроткого в Одессе, поскольку большинство столичных биографов поэта лишь бегло касаются этого периода, уделяя основное внимание пребыванию его в Москве.

24 Рукопись воспоминаний А.Биска, без названия, об одесском литературно-артистическом обществе. 1947. С. 33. - Фонды Одесского литературного музея. Р-1494/КП-3479. Опубликовано Е.Л.Яворской в сборнике музея "Дом князя

Гагарина...” (Одесса, 1997. - С. 134-156).

“Посл[едние] нов[ости]” - парижская довоенная газета русской эмиграции.

25 Черный Саша. Живая азбука / Рис. Mad. - Берлин: Огоньки, 1922. - См.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. - М., 1989. - С. 228. № 2464.

26 Крокодил. - 1911. - № 2, 9 апр. - С. 5.

27 Письмо Л.Митницкого автору статьи от 5 июля 1971 года.

28 ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Ед. хр. 835.

29 Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции. (1917-1941): Биографический словарь. - Пб., 1994. - С. 342.

30 Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. - Т. 4. - М., 1960. - С. 256.

31 Письмо Л.Митницкого автору статьи от 19 авг. 1971 г.

32 Цагарели Г. Литературные заметки о четырнадцати // Молодой журнал. - Одесса, 1913. - № 1, янв. - С. 50.

33 Лущик С. По следам старой афиши // Вечерняя Одесса. - 1982. - 27 янв.

34 Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. - Т. 3. - М., 1958. - С. 98.

35 Письмо Л.Митницкого автору статьи от 19 авг. 1971 г.

36 ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Ед. хр. 1067. Лл. 1-2.

37 Катаев В. Трава забвенья. - М., 1967. - С. 137-138.

38 Митницкий Л. Капитаны улыбок. - М., 1966. - С. 18-19.

39 Письмо Г.Н.Кузнецовой из Парижа Е.М.Голубовскому от 17 окт. 1974 г.; о судьбе А.Фазини см. также: Генкина М. Художники русского зарубежья - жертвы катастрофы // Евреи в культуре русского зарубежья. - Т. 3. - Иерусалим, 1994. - С. 30.

40 Отчет Одесского общества изящных искусств за 1909-1912 гг. - Одесса, 1913. - С. 58.

41 М.Г. [М.Гершенфельд]. Письмо из Одессы // Русская художественная летопись: Прил. к журн. "Аполлон". - СПб, 1912. - № 17, нояб. - С. 238.

42 На французском фронте // Южная мысль. - Одесса, 1916. - 21 сент.

43 Псевдоним учтен словарем И. Масанова, но с искажением фамилии - Киссельман вместо Кесельман (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. - Т. 3. - М., 1958. - С. 273; Т. 4. - М., 1960. - С. 230.

44 См. примечание 24. С. 30.

45 Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. - М., 1978. - № 6. - С. 11.

При третьей публикации книги В. Катаев, узнав о своей ошибке, добавил после слов о гибели Эскесса в концлагере: "Впрочем, это не подтвердилось. Он умер собственной смертью перед самой войной". - См.: Катаев В. Алмазный мой венец: Повести. - М., 1981. - С. 19.

46 Свидетельство о смерти № 3993. 9 авг. 1940 г.

47 Долинов (наст. фамилия Шпендовский) Вадим Ильич (1898-1977). Хирург, кандидат медицинских наук, участник одесской литературной жизни начала 1920-х гг.

48 Соминский Эммануил Иосифович (1887 - ок. 1970), псевдоним - Маноля. Журналист, композитор, участник одесской литературной жизни 1910-х гг.

49 Бобович Борис Владимирович (1896 - 1975). Член Союза писателей (Москва), участник одесской литературной жизни 1910-х гг.

50 Письмо Б. Бобовича автору статьи от 10 февр. 1968 г.

Данный сборник —
плод творческих усилий
многих людей, подаривших
составителю свои идеи,
дружбу и бескорыстную помощь
на разных этапах
подготовки книги.

Особенно это относится к

Л. В. Арюпиной,
О. М. Барковской,
М. Р. Бельскому,
О. Ф. Ботушанской,
Е. Н. Брилько,
Е. М. Голубовскому,
С. В. Калмыкову,
С. З. Луцику,
В. Т. Миненко.

Группа сотрудников "Крокодила"
23 мая 1912 г.

Слева направо:

Стоят: Л. Митницкий
Эскесс (С. Кесельман)
Н. Топуз
Э. Кроткий (Э. Герман)
Е. Зозуля
Сидят: Пикадор (В. Круковский)
Ф. Сегаль
Незнакомец (Б. Флит)
Карлов (К. Левин)
Б. Антоновский

Сидит на полу:

А. Цалюк

На оборотной стороне паспорта:

Фотография М. Шнейдер
Ришельевская 12, уг. Греческ.,
Одесса.

Автографы:

Б. Антоновский
Н. Топуз 23/V 12 г.
Зозуля Одесса Май 1912
Б. Флит
Карлов

КРОКОДИЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5

Голубовский Е.М.
Смех, помогающий выжить

По страницам журнала
"Крокодил":

13

Зеркало Одессы

47

Одесские разговорчики

77

Что людям не надоедает

139

Путешествие веселого черта
по Одессе

314

205

Одесса от Пушкина
до наших дней

229

Луцик С.З.

Одесский журнал "Крокодил"
и его авторы

Наукове видання

ОДЕСЬКИЙ ЖУРНАЛ
"КРОКОДИЛ"
ТА ЙОГО АВТОРИ
Вибрані сторінки
(1911 – 1912)

російською мовою

Укладач
Щурова Тетяна Василівна

Відповідальний редактор

О. Ф. Ботушанська

Макет та оформлення

В. Т. Міненко

Коректор

О. М. Барковська

Комп'ютерний набір:

Л. В. Арюпіна, О. М. Барковська,

Н. В. Кондратенко

Технічний редактор

О. В. Новаєва

Фоторепродукції

С. В. Калмиков

Одеський журнал "Крокодил"
О41 та його автори: Вибрані сторінки (1911—1912) Уклад. Т. В. Щурова; відп. ред. О. Ф. Ботушанська; Авт. ст. Є. М. Голубовський, С. З. Лущик; Худож. В. Т. Міненко; Фото С. В. Калмиков; ОДНБ ім. М. Горького. — Одеса: ОКФА, 1998. — 320 с.: іл.
Рос. мовою
ISBN 966-571-083-4

О 4702010206 ББК 84/4УКР-РОС/6
98

Издание посвящено знаменитому сатирическому журналу "Крокодил", выходившему в Одессе в 1911—1912 гг. и сохранившемуся в полном комплекте к настоящему времени лишь в фондах ОГНБ им. М. Горького. обстоятельная статья-исследование С.З. Лушика познакомит читателей с членами редакции "Крокодила", где начинали свой творческий путь Е. Зозуля, Э. Кроткий, Б. Антоновский, С. Фазини и многие другие писатели и художники. Сборник включает юморески, миниатюры, карикатуры и рисунки, сохранившие обаяние и злободневность до сегодняшнего дня и несущие аромат Одессы начала XX века к завершающим годам нашего столетия.

Підписано до друку з оригіналу-макету 03.06.98. Формат 60x84/64. Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 4.65. Обл.-вид.арк 7.18. Тираж 2000 пр. Замовлення № 8674.

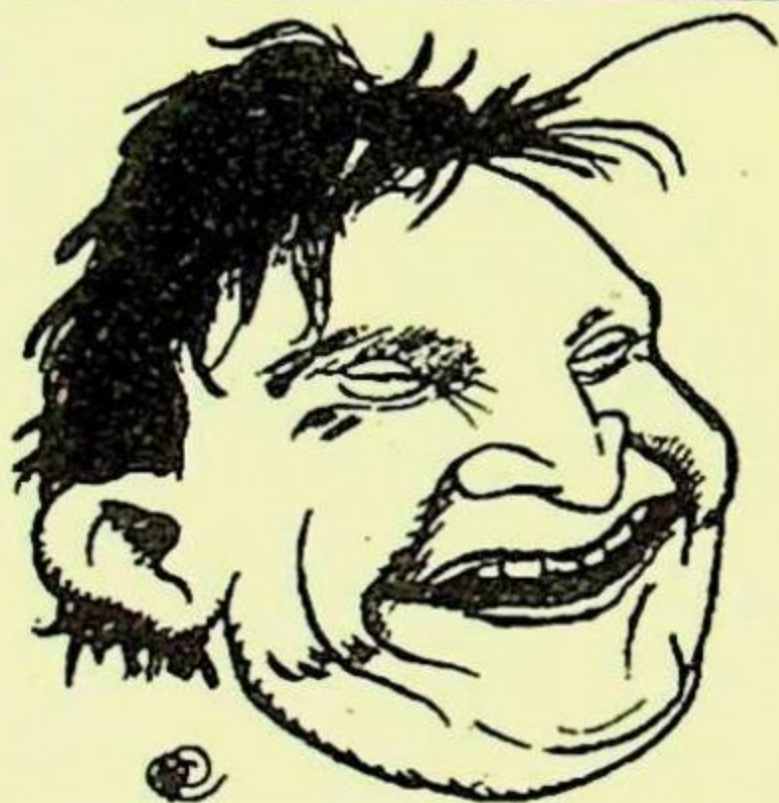
ОКФА. 270008, Одеса,
вул. Колонтаївська, 24

АТ "Одеська книжкова фабрика"
270008, Одеса, вул. Колонтаївська, 24

4 2716544 867D73714

Какъ это случилось? Кто виноватъ? судите сами...
Одинъ прекрасный, молодой человекъ скучалъ... В
лѣтѣ, вѣрно майскіе вечера, когда снѣгъ засыпалъ весь
городъ; когда дикіе волки бродили по улицамъ—скука съ-
ралъ, худила, тосканила, какъ октябрьскія, скука охватывала
его душу и... ничего нельзя было подумать...

Отъ скучалъ... Отъ кудаже все ниде и ушла до
того, что адмажем жинили, жинили со скуки...

Это было давно, когда еще не существовало

„КРОКОДИЛЬ“.

Но теперь это невозможно. Сколько молодыхъ людей
въ минуты скуки въ долгіе зимніе хайскіе и юнскіе ве-
чера ильтого того, чтобы скучать, могутъ купить

„КРОКОДИЛЬ“.

И свести себя... отъ жинилы...

Почтите же господа!...